

Школьный Надзор

Автор:

Аркадий Шушпанов

Школьный Надзор

Сергей Васильевич Лукьяненко

Аркадий Николаевич Шушпанов

ДозорыШкольный Надзор #1

Они – слишком плохи для Дневного Дозора и слишком хороши для Ночного. Они не чтут Договор, они дерзят Великим, они не верят в пророчества. Они – Иные. Но хуже того – они дети! Темные и Светлые подростки, собранные вместе, в спрятанном от людских глаз интернате... Там, где даже простой учитель литературы вынужден стать Инквизитором. Это их последний шанс вырасти, войти в мир Иных, исправить чужие ошибки – и наделать своих. Конечно, если получится.

Сергей Лукьяненко, Аркадий Шушпанов

Школьный Надзор

© С. Лукьяненко, А. Шушпанов, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было

средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Данный текст признан непедагогичным для сил Света.

Ночной Дозор

Данный текст признан непедагогичным для сил Тьмы.

Дневной Дозор

Данный текст не рекомендован Иным до совершеннолетия.

Инквизиция

В тексте использованы персонажи и реалии романов Сергея Лукьяненко и Владимира Васильева из цикла о Дозорах, а также романа Владимира Васильева «Лик Черной Пальмиры»

Часть 1

Иная литература

Пролог

Сначала Федор взял паузу, как хороший тенор берет высокую ноту. А потом заговорил:

– Нарушаем, гражданка Анна Сергеевна. Плохо. Очень плохо.

– А вы... – Гражданка Анна Сергеевна поежилась. – Прокурор?

Если верить «делу», ей через месяц должно было исполниться четырнадцать.

Обстановка комнаты меньше всего напоминала кабинет прокурора. Хотя, если честно, Федор ни разу в прокурорских кабинетах не был, а его «клиентка» – и давно.

Красочная роспись на стенах выбрасывала гостей на пляж в океанской лагуне. Мягкий ковер на полу не позволял сделать и пары шагов, чтобы при этом не расслабиться. Федора и Анну Сергеевну не разделяло ничего, сидели в креслах друг напротив друга. Кресло Федора располагалось так, чтобы он всегда оказывался справа от посетителей. Предполагалось, так они больше доверяют.

Сквозь прозрачные чехлы спинки и сиденья можно было увидеть, что внутри не поролон и не пружины, а разноцветные, наполовину сдутые воздушные шары. Довольно прочная штука, надо сказать, если специально не прокалывать. В таком кресле любой посетитель быстренько менял свое состояние.

Острые углы в кабинете были только у планшетки, что лежала у Федора на коленях.

– Нет, не прокурор, – правдиво ответил Федор. А потом солгал: – Психолог.

– Я не знала, что мы к психологу... – Девочка выпрямилась. Была она рыжеватой, и в изгибе губ проглядывала хитринка. – Я нормальная.

– Конечно, нормальная! – уведомил Федор. – Иначе не попала бы ко мне. Я же сказал «психолог», а не «психиатр». Понимаешь разницу? А после нашей беседы уже решу, с кем ты познакомишься еще. Может, и с прокурором.

– Я ничего не делала! – повысила голос девочка. – Ничего не воровала!

– Не кричи, – прошептал Федор, слегка наклонившись к ней.

В нем было под два метра, и наклон со стороны чем-то напоминал маневр башенного крана.

Девочка заговорила тише и тоже чуть-чуть наклонилась к собеседнику.

– Я ничего не воровала. Оно само появилось, честно! Только мне никто не верит.

В ее глазах заблестело. Федор понимал, что девочка, какой бы вид на себя ни напускала, испугана и растеряна.

Вот тогда и сказал:

– Я верю.

– Врете вы все! – Анна откинулась на кресле, надувные шарики недовольно заскрипели.

– Я верю, – спокойно повторил Федор, а про себя вспомнил знаменитое «верую, ибо абсурдно». – Все эти вещи ты не брала. Они появились сами по себе.

– Как вы мне можете верить? – донеслось из соседнего кресла. – Вы же не знаете...

– А мне и не надо знать. Я вижу, что ты не обманываешь. Зрачки, дыхание, цвет лица – они все говорят правду.

Девочка завертела головой – скорее всего в поисках зеркала. Убедиться, а заодно проследить, не сболтнут ли зрачки и прочее чего лишнего.

Зеркало было далеко. Вставать Анна Сергеевна постеснялась.

Федор очень не любил врать. Особенно детям. Впрочем, сейчас он не то чтобы обманывал. Всего лишь говорил полуправду. Конечно, отсутствие лжи в словах Анны неплохо выдавала и мелкая моторика, а Федор научился быть очень и

очень наблюдательным. Даже без применения магии.

Но еще красноречивее правду демонстрировала аура. Вот только подводить девочку к тому, что такое «аура», следовало очень постепенно. Анна не имела понятия, кто она такая на самом деле, и это было любопытнее всего.

– Вы... скажете, что я ничего не украла?

– Скажу, – ответил Федор. – Если будешь хорошо себя вести.

На наркотики ее проверяли, в группу риска не входила. Нормальный подросток из неполной семьи. Мать – преподаватель музыкального училища. Она же и привела дочь в полицию, когда дома начало регулярно появляться все то, чего на ее зарплату купить было нельзя. Естественно, заверения дочери, что «оно все само», и слушать не подумала.

– Буду. – Анна посмотрела на Федора исподлобья.

– Вот и славно. Как ты это делаешь? Сотовый, например?

– Я рисую. Вообще-то я не умею на самом деле. Лампу гашу, зажигаю свечки и краски размазываю.

– Жалко, что ты ничего не принесла с собой.

– Ну, я же не знала!

– Ладно. – Федор подумал, что нужно будет обязательно изучить ее рисунки.

– Я это зову «малярня».

– Ага. Вы думаете, это бредит «малярня»? – Федор улыбнулся. – Это было, было в Одессе...

– Приду в четыре, сказала Мария. Восемь. Девять. Десять, – отозвалась Анна.

– Знаешь Владим Владимыча? – Федор не удержался и еще раз мельком взглянул в анкетные данные. Все правильно, тринадцать лет.

– Только двухтомник, – не моргнув глазом ответила Анна. – Красный такой...

– Чудеса!

Если совсем честно, то для Федора это были чудеса большие, чем квартира, заваленная добытыми из воздуха предметами, и девочка, сама себя обучившая творить волшебство.

– Ты рисуешь то, что потом появляется?

– Нет. Я же говорю – «малярия». Рисую, что в голову взбредет. Просто цветные пятна. Иногда там какие-то схемы приходят дурацкие... А потом что-то появляется. Я даже не думаю про это, даже и не хочу иногда, а потом смотрю – оно уже есть.

– И все?

– И все! Ведь уже проверяли: ничего из того, что у меня нашли, нету в розыске. Оно ни у кого не пропало. Я могу даже это все отдать. Я ничего не нарушала!

– Нарушала. – Реплика у Федора вышла не резкой, а округлой. – Закон.

– Ну какой, какой закон? – Анна вытянулась в струнку. Фигурка у нее была худосочная, так что сравнение оказалось самым подходящим.

– Ломоносова, Михаила Васильевича. И Лавуазье, Антуана Лорана. Они его независимо открыли.

– А что, за это судят? – спросила Анна не то с удивлением, не то с вызовом.

В чем заключается закон Ломоносова-Лавуазье, она не знала. Так же, как не знала, что даже на современном уровне человеческая физика отнюдь не считает его стопроцентно верным. А вот... хм, скажем так, физике нечеловеческой ограничения этого закона были известны давным-давно.

– Нет еще, – сказал Федор. – Но, как видишь, уже интересуются.

– Я такого не знаю... – подтвердила Анна умозаключения Федора.

– А незнание, дорогая, не освобождает от ответственности. Это так, для справки, из другого закона. Не физического, а юридического.

– Что мне теперь будет? – Положение воздушных шариков под Анной снова изменилось.

– Вижу два варианта событий. Первый – ты продолжаешь свои малярные опыты и рано или поздно наживаешь большие-большие неприятности. А второй – ты следуешь моим рекомендациям. А я рекомендую направить тебя в некое учебное заведение для таких вот одаренных детей.

– Это что, институт какой-нибудь закрытый?

– Вполне открытый, только попасть туда нелегко. Потому что не для всех.

– Так платить, наверно, придется...

– На полный пансион. Еще и стипендию получать будешь.

– А вы возьмете с меня подписку, чтобы я больше не нарушала?

Федору опять захотелось проверить, точная ли дата рождения и возраст указаны в личном деле Голубевой Анны Сергеевны.

– Не требуется. Так какой вариант тебе ближе?

– Второй.

Федор поднялся, скользнул по ковру и открыл дверь в приемную:

– Татьяна!

Повернулся к Анне:

– Я напишу заключение. Придешь в четверг вместе с мамой. Бредить «малярией» не советую. Почитай-ка лучше учебник физики. Можешь за все классы вперед.

– Будь-сделано! – Анна вылетела из кресла. Шарик проводил ее прощальным выдохом.

...Когда дверь закрылась, Федор вытащил из кармана некий предмет. Один из тех, которые произвела на свет «малярия» Анны. Этот, так сказать, артефакт ни у кого не пропал. Его ни у кого и не должно было быть. Максимум, где это могло храниться, – в лаборатории какой-нибудь всемирно известной и очень могущественной корпорации. Вроде той, с логотипом в виде надкушенного яблока. В единственном экземпляре, как прототип. Но и там его никогда не было. Хотя, наверное, могли бы дорого заплатить.

Эксперты Дозора поломали голову и сказали Федору, что такого моби́льника, видимо, еще не изобрели.

А девочка тринадцати лет от роду смогла его материализовать. Нет, определенно нужно было посмотреть, что она там рисовала.

Федор прошел к себе в кабинет – готовить направление. Можно быть Иными, можно не считать себя людьми, а вот от заполнения кучи бумаг все равно никуда не деться.

Глава 1

– Все свободны, – Дмитрий закрыл журнал. – Сочинения жду в понедельник.

Класс загудел, будто по звонку включились моторы. Захлопывались ноутбуки, как створки раковин, только вместо жемчужин в их недрах прятались кристаллы процессоров.

Напичканный электроникой класс вообще можно было принять за детский филиал какого-нибудь наукограда, причем из будущего. Никто в здравом уме не подумал бы, что именно так будет выглядеть школа магии: без сводчатых коридоров, гусиных перьев и мантий. Обычные с виду пацаны и девчонки. Никакой особой школьной формы, главное, чтобы без перегибов. Рюкзаки, джинсы, мобильники с кучей функций, кое у кого – игровые приставки, беспощадно отбираемые на время уроков.

Даже большинство предметов вполне нормальные. Физика, химия, алгебра, геометрия, английский-французский-немецкий. А дальше все по-другому, особенно в старших классах. Вернее, по-Иному.

«Иная история».

«Иная словесность».

«Иное обществоведение».

Еще очень необычная «Безопасность жизнедеятельности», острые языки тут же прозвали ее «Защитой от Темных и Светлых сил». И своеобразная биология, вернее, особый раздел. Физиология вампиров и оборотней, возрастная консервация Иного, элементы целительства... Даже Темные должны уметь что-то лечить.

Дмитрий по-хозяйски окинул взглядом класс. Так, ноутбуки двое все же не выключили, обормоты. Известно кто, Громова и Щукин.

Следовало бы немедленно послать мысленный сигнал, вернуть обормотов и заставить-таки выключить. А если проигнорируют, надеясь потом сказать, что не распознали сигнал в потоке хаотичных мыслей, дослать еще одно заклинание. По-простому – «свербилка». Тогда не будет спокойствия ни днем, ни ночью, пока не явятся исправлять содеянное.

Но вместо этого Дмитрий упруго поднялся и отправился выключать ноутбуки сам. У него было правило – где можно обойтись без магии, надо обойтись. Тем более что сейчас не урок, а «окно». А двое нерадивых отдежурят без очереди.

За настоящим окном, выходящим на школьный стадион, дребезжало от ударов многотрадальное баскетбольное кольцо. Слышались выкрики. Самый низкий голос принадлежал физруку Борисычу:

– Карасев, с поля! Вторая левитация! А то я не вижу! Брысь с поля, кому сказал!

Нет, в баскетбол тоже играли вполне обыкновенный. Хотя Дмитрий, когда только начал здесь работать, ожидал увидеть немало экзотики из фильмов о Гарри Поттере. Однако соревнований по регби на метлах никто не устраивал. Хотя метла как летательный аппарат оказалась штукой вполне реальной и употребительной в незапамятные времена. Только крайне редкой, потому что куда больше ценилась простая хлебная лопата: сидеть удобнее, и ведьмы умели подзаряжать ее Силой через тепло очага.

Школа стояла за городом, отделенная лесополосой и еще целым рядом магических сфер: Невнимания, Отрицания и далее по списку. Так что могла бы позволить себе и русский квиддич. Но предпочитала виды спорта из олимпийской программы, ставя задачу научить воспитанников жить в мире, где людей в несколько тысяч раз больше, чем Иных. Тем не менее в играх все понемногу жульничали с помощью волшебства. Темные – для своего удовольствия и тренировки («Авось не заметят!»), Светлые – болея за честь команды. Благо, что и команды, и классы были смешанными. Никакого соперничества Гриффиндора и Слизерина. Это противоречило бы отечественной педагогике, да и вся суть эксперимента иначе потерялась бы.

Самого эксперимента Дмитрий не понимал, если честно. Совершенно бессмысленно с младых ногтей воспитывать толерантность друг к другу у представителей Света и Тьмы. Но с другой стороны, школа давала возможность научиться понимать разницу. Наверное, ради этого он и согласился перейти сюда.

Выключив обе машины, Дмитрий поймал себя на старой, бессмысленной уже привычке – желании стереть с доски. Нет, доска в кабинете на всякий случай висела, но только как рудимент. Дмитрий давно уже пользовался интерактивной электронной, управляя со своего учительского терминала. Однако, повернувшись, он понял, что стирать-таки придется: на зеленом поле доски кто-то между делом успел нарисовать мелом смеющуюся рожицу.

Закрыв на интерактивной доске презентацию урока «Роль Иных в современной литературе», Дмитрий взял мокрую тряпку. Однако стоило поднести руку к рисунку, как тот перетек на другое место. Дмитрий попробовал припечатать рожицу быстрым точным ударом, однако та в последний момент опять вывернулась из-под тряпки.

Шутить изволим, значит.

Дмитрий посмотрел на рисунок через Сумрак. Но расшифровать заклинание все равно не смог. Небось коллективно придумывали. Тем не менее даже на первом слое для обычной реальности двигаешься куда быстрее, и этим стоило воспользоваться. Однако рожица ускользала раз за разом, перебегая по доске и временами даже показывая язык.

Дмитрий вспотел. Плунуть и бросить глупую охоту мешала гордость (хотя чем гордиться, седьмой уровень...). Да и представить себе, как придет другой класс и будет хихикать весь урок, глядя на доску. Нет, сдаваться было нельзя.

Рожица вдруг сменила гримасу радости на удивление. Потом круги глаз с белыми зрачками расширились, загогулина улыбки превратилась в овал беззвучного крика – и рисунок рассыпался, оставляя облачко меловой пыли.

– Можно к тебе, Дреер? – раздалось за спиной.

Кабинет вновь обрел краски: Дмитрий вышел из Сумрака.

– Присаживайтесь, – сказал он, поворачиваясь.

– Уже, – ответил голос.

На учительском месте за терминалом уселся Одноглазое Лихо. Так острые языки прозвали Лихарева – нового руководителя школьного Надзора. Нет, оба глаза у него были на месте. Только левое веко все время полуопущено из-за птоза. Лихарев раньше был ночным дозорным и заработал птоз, когда получил поражение глазного нерва во время захвата колдуна-нарушителя. Он давно мог бы сделать операцию, но не хотел. Говорил, человеческим врачам не верит, а к целителям не обращается, чтобы не давать Темным повода к восстановлению

равновесия. Как люди выражаются, лишь бы у соседа корова сдохла.

А когда Лихарев перешел в Инквизицию, то ему, похоже, и вовсе стало все равно. Кроме того, он утверждал, что так выглядит страшнее, а с его несовершеннолетним контингентом это самое главное.

Но если Одноглазое Лихо кого и пугал, то лишь новичков.

– Разговор к тебе есть, Дреер.

Лихарев почему-то обращался к словеснику только по фамилии. То ли она ему так понравилась, то ли, наоборот, вызывала какие-то подозрения. Дмитрий полагал, у Лиха работа должна быть такая – все время подозревать. Инквизитор, одно слово. И ничего против вот этого «ты» и «Дреер» учитель не имел. Лихо ему чем-то нравился.

Даром что, опять же, Инквизитор.

Впрочем, с недавних пор у Лихарева появилась и другая причина обращаться к Дрееру официально. Ведь именно благодаря Дмитрию Лихо стал руководителем Надзора. И одновременно единственным сотрудником, вдобавок еще ведущим Иное обществоведение.

Дмитрий молча сел за стол напротив. Наверное, Лихарев специально занял единственное учительское место. Теперь, где бы ни помещился Дмитрий, он был в положении ученика, вынужденного отвечать урок.

Впрочем, Дреер был младшим в любом случае. И по уровню Силы, и по внутренней иерархии. Лихо был школьной полицейской властью.

– А дверь лучше прикрыть... – Надзиратель сделал это не вставая.

Ученикам школы вообще запрещалось применять магические воздействия как на уроках, так и вне уроков, кроме специальных занятий. Взрослым при детях тоже не рекомендовалось.

Никто не соблюдал. Это было все равно что запретить бегать на переменах или курить в укромных местах. Однако и нарушали исподтишка, как нарушают правила дорожного движения, пока крупно не погорят.

Бывший начальник Лихарева, надзиратель Стригаль, все-таки погорел. А Дреер, можно сказать, поджег.

– Догадываешься, к чему я тут? – прищурил здоровый глаз Лихарев.

Словесник кивнул.

Месяц назад всех педагогов и воспитателей собрали у директора Сорокина. Учительский состав школы был небольшим и разместился легко.

Кабинет походил, видимо, на все начальственные обиталища. Разве что портрет президента не висел над кожаным креслом. Зато флажок с российским триколором на столе был тут как тут. Для какой-нибудь другой школы этот кабинет все же выглядел чересчур солидным, более подходя как минимум ректору финансовой академии. Ценные породы дерева, хорошая обивка, ухоженная зелень, немного причудливых безделушек. Впрочем, безделушками они смотрелись для разных человеческих комиссий, что иногда все-таки заглядывали. Если верить Сорокину, это давно разряженные артефакты, хранимые исключительно, чтобы отвлекать внимание официальных гостей. Для интересующихся, откуда у школы-интерната такие средства, заодно был приготовлен «иконостас» благодарственных бумаг в золоченых рамках от богатых спонсоров. Даже несколько фотографий олигархов, якобы посетивших свою альма-матер.

И бумаги, и фотографии были настоящими. Дмитрия это удивило больше всего, когда он шагнул в кабинет Сорокина первый раз. Никаких личин, никакой магической «косметики» – это учитель словесности мог бы распознать даже со своим седьмым уровнем.

Вместо первого лица государства вдоль стены шел ряд совсем других портретов. Великие наставники и деятели образования прошлого, начиная почему-то с Аристотеля. То ли потому, что философ и автор «Поэтики» основал Ликей, то ли потому, что воспитал Александра Македонского. Другие лица

Дмитрий хорошо запомнил еще по университетской кафедре педагогики. Отчего-то у большинства фамилии заканчивались одинаково, несмотря на то, что их владельцы жили в разное время: Коменский, Ушинский, Луначарский, Сухомлинский... Как будто фамилия уже обязывала к выбору дела всей жизни. Выбивались, кроме Аристотеля, только Лев Толстой, Антон Макаренко и Януш Корчак. Могло показаться, что учителей прошлого тоже пригласили на собрание, только рассадили немного подальше и повыше, словно авторитетную комиссию.

А за столом расположились педагоги настоящего, отнюдь не претендующие на звание великих ни сейчас, ни потом. Однако все – Иные. В школе вообще не было ни единого человека ни среди учеников, ни среди персонала.

Дмитрий чувствовал себя не в своей тарелке. По правую руку от директора сидели оба школьных надзирателя – значит, дело серьезное. Но больше всего почему-то беспокоил незнакомый высокий мужчина. Дмитрий аккуратно посмотрел на гостя через Сумрак.

Светлый. Но все равно какой-то...

– Коллеги, у нас сотрудник городского Ночного Дозора Козлов Федор Николаевич. Из отдела по делам несовершеннолетних.

Дозорный встал и кивнул всем.

Вот оно, подумал Дмитрий. Оперативник. Что-то у них такое появляется в ауре. Может быть, потому, что часто сканируют чужие. А может быть, у самого Дмитрия шевельнулся еще давний, едва ли не с детсадовских времен засевший страх перед милицией и вообще людьми из разных там органов. Он, конечно, будучи совсем малышом, даже благоговел перед ними, помня разные фильмы про шпионов и полицейских, но все равно побаивался.

– Для Темных коллег – визит господина Козлова согласован и с Дневным Дозором, – продолжил тем временем директор Сорокин. – Федор Николаевич, прошу!

Дозорный выдержал паузу.

– Господа, – сказал наконец он.

Дмитрий уже привык, что между Иными не приняты некоторые человеческие условности, в том числе в обращении. Директор называл педагогов коллегами – и Светлых, и Темных, и надзирателей от Инквизиции, – и это слух не резало. А вот у Козлова так не получилось. Наверное, тот просто не знал, как выступать перед такой смешанной публикой.

– Как вы знаете, в нашем городе живет чуть более полумиллиона человек...

Честно говоря, от дозорного трудно было ожидать лекции по демографии.

– Это значит, что Иных даже чисто статистически должно быть около полусотни. Если точнее, восемьдесят два, по нашим данным. Из тех, у кого местная прописка.

Дозорный опять сделал паузу. Собравшиеся ждали. Тикали часы на полке в директорском шкафу. Старинные, они должны были стоять, по идее, где-нибудь на камине. Тоже наверняка артефакт, а не простой хронометр.

– Светлых из них только пятеро.

– Мы знаем эту статистику, – ответил завуч Саласар-Диего Варгас. – Константа «один к шестнадцати».

По происхождению Варгас был кубинцем, а по сущности – Темным магом. Он бежал от режима Кастро в уже как бы демократическую Российскую Федерацию лет десять назад. Какое дело было Иному, тем более Темному, до человеческих властей – Дреер не представлял. Но у каждого свои странности. Может, режим Кастро для Темных чем-то некомфортен? Исполняя обязанности завуча, кубинец еще и вел математику.

– Вы правы, – сказал дозорный. – Итак, на пять Светлых – почти семьдесят семь Темных. Как обычно.

– Погодите, – опять раздался голос Варгаса. – Что значит «почти»?

– Именно из-за этого «почти» я здесь, – ответил Козлов. – Разрешите, я продолжу?

Кубинец только поджал губы.

– Из пяти Светлых четверо работают в Ночном Дозоре. Пятый слишком юн... Кстати, он... вернее, она учится здесь, у вас. Тем не менее благодаря вашей школе и особому статусу города наша служба усилена кадрами. Ночных дозорных в городе намного больше, чем Светлых-уроженцев. Соответственно, и личный состав Дневного Дозора больше, чем требовалось бы, не будь у нас школы. А еще при Дозорах созданы отделы по делам несовершеннолетних. Все это с разрешения и под надзором Инквизиции.

Дозорный сделал жест в сторону Стригаля и Одноглазого Лиха. Те не шелохнулись и не повели бровью. Им наверняка тоже был известен повод для столь длинного вступления.

А Козлов продолжил:

– Благодаря всему этому у нас самый низкий процент нарушений Договора. Не только в Центральном Федеральном округе, но и в нескольких близких к нам регионах. Вернее, так было до недавнего времени.

Вот оно, опять подумал Дреер.

– За последний месяц зафиксировано девять случаев несанкционированных нападений на людей. Почти все нападения – дело рук... вернее, зубов волкулаков.

– Несанкционированных? – уточнил Светлый преподаватель БЖД по фамилии Каин. Острые школьные языки, разумеется, не преминули распустить слух, что это «тот самый или дальний родственник». На самом деле ни в каких анналах не содержалось и намека на то, что «тот самый» Каин был Иным или что он хотя бы просто был.

– Без лицензии. Отследить вервольфа – задача не слишком трудная. По нарушениям среди этого контингента наш город, замечу, на одном из последних

мест в России. Очень хороший показатель. Но здесь мы столкнулись с чем-то неординарным. Во-первых, эти волкулаки не действуют поодиночке. Они нападают стаями. Три-четыре особи. Некоторые потерпевшие говорят о пяти-шести. Но это нуждается в проверке. У страха глаза велики.

– Оборотни не охотятся стаями, – сказал Каин. – Только если в кино.

– Совершенно верно, – согласился дозорный. – Время трансформации у всех разное. Естественно, боевая группа перекидывается одновременно. Но у нас здесь не боевая группа.

Дреер вспоминал свое недавнее обучение. Стаи оборотней, конечно, истории были известны. Однако в условиях современного большого города такого уже давным-давно не встречалось. Только где-то далеко в глубинке, подальше от мощных Дозоров, и только если вожак-оборотень обучал молодняк. Но такие «дела» быстро раскрывались, и вожак неминуемо отправился бы под трибунал Инквизиции. А его подопечные также неминуемо попали бы сюда, в школу-интернат...

– Удивительно вот что, – продолжил Козлов. – Как правило, волкулаки стараются убить. Они на охоте и пленных не берут. Но эти действуют иначе. Собственно, погибших вообще нет. Пока нет. Но все может измениться, если мы их не возьмем. Крови они уже попробовали. Однако убивать все равно не стремятся.

– Зачем они тогда атакуют? – спросил Каин.

– Мы тщательно опросили потерпевших. Все – обычные люди. Память им потом стираем, не остается никакого шока и психотравм. Судя по всему... эта стая получает удовольствие от травли. Они преследуют ради преследования. Им нужны только эмоции.

– Но волкулак стремится попробовать плоти, – сказал учитель магической защиты, словно повторяя материал своих же занятий. – Мясо для него – как кровь для вампира. Концентрированная энергия, а микроэлементы, белки и углеводы – ее носитель. Стресс жертвы наполняет их Силой, как будто заряжает батарейки... – Каин уже не мог отделаться от привычки вещать, как на уроке. – Да и от крови оборотни не отказываются.

– В том-то все и дело, – кивнул дозорный. – Эти даже почти не кусают. Им нужен только страх. Паника. Отчаяние. В этом они черпают Силу.

– Очень необычно, – признал Каин.

– Это не самое необычное. Двоих человек они все-таки покусали. Эксперты осмотрели укус, сначала наши, потом Темные. Налицо все признаки оборотнической инициации. Только... ее не случилось. Есть отдельные элементы, в основном психологические. Например, потерпевшие могут видеть ауру. Или испытывают беспокойство и кратковременные провалы в памяти во время полнолуния. Но полноценно войти в Сумрак они не могут, и перекидываться тоже. У них ни шерстинки новой не выросло. Очень странная полуинициация. Мы впервые с таким столкнулись. Даже отправили потерпевших в научный центр московского Дневного Дозора. Формально это все-таки новые Темные. Однако сейчас это просто очень слабые Иные с неопределенной аурой.

– А при чем тут школа? – спросил Каин.

– Потерпевшие описывают нападавших как очень некрупных особей. Некоторые даже решили, что на них напали бродячие собаки. В любом случае это явно подростки. Можно сказать, сейчас в городе действует банда неустановленных Иных в возрасте до шестнадцати лет. Мы разрабатываем разные версии, проверяем контакты зарегистрированных оборотней. Хотя детей вполне мог инициировать какой-то гастролер, и вообще не в нашем районе, а затем пошло по цепочке. Как наркомания, простите, только здесь один другого укусил, а не подсадил на иглу или дал покурить. Однако есть еще одно обстоятельство... Эдуард Сергеевич, разрешите пульт.

Козлов повернулся к директору.

– Конечно, – ответил Сорокин.

Погасло освещение, как будто подчеркивая, что речь пойдет о делах Тьмы. Проектор из-под потолка бросил пучок лучей на белое полотно развернувшегося экрана.

– Вот карта вашего района, – комментировал дозорный.

Зажглись, мигая, несколько прямоугольников.

– Это школа-интернат. А вот места, где совершены нападения.

Загорелись красные кружки. Один, другой...

– Как видите, хотя школа стоит на окраине, почти все инциденты происходили и происходят довольно близко.

– Это ничего не доказывает, – раздался в темноте голос математика Варгаса.

– Разумеется, – спокойно ответил Козлов. – Мы знаем, что ваши ученики без взрослых не выходят за пределы территории. Вернее, о других случаях пока не известно... Тем не менее слишком много косвенных улик. Местоположение школы. Возраст нападавших. Отсутствие следов – они потом как сквозь землю проваливаются. Вернее, уходят в Сумрак.

– Оборотни не уходят в Сумрак надолго, – возразил Каин. – Они трансформируются с помощью Сумрака, но не погружаются глубоко.

– Вы правы, – опять согласился Козлов. – Господа, я озвучу одну из версий, ради которой пришел. Мы пока не подозреваем учеников из числа волкулаков. Но можно предположить, кто-то хочет, чтобы мы так думали.

– Но зачем? – спросила воспитатель из Светлых Надежда Храмцова.

– Например, с целью дискредитировать саму идею школы и эксперимента в целом. Или, возможно, кто-то из учеников, способный перекидываться, нашел способ убегать на свободу и хочет, чтобы заподозрили других. В любом случае я прошу оказать содействие. Сообщать обо всем странном в поведении детей. Любые детали. Они уже кусаются. В следующий раз могут загрызть.

– Обо всем странном, говорите... – задумчиво сказал школьный психолог, ученик самого Карла Густава Юнга. – У нас, извините, тут все странные. Как все дети. А они к тому же не простые дети.

– Нас особенно интересуют низшие Темные средних классов.

– Господин дозорный, – официальным тоном вдруг произнес Варгас. – Даже вне пределов школы Темные не обязаны выдавать нарушителей без требования Инквизиции. А на территорию школы юрисдикция Дозоров вообще не распространяется. Вы не вправе ожидать, что Темные педагоги будут доносить на своих же учеников.

– Я не могу приказывать или требовать, – ответил Козлов. – Вы совершенно верно говорите – я не вправе даже ожидать. Пока я могу лишь просить. Но я пришел не для того, чтобы обвинить кого-то. Больше того, мы вообще не хотели бы найти доказательства причастности школы, сеньор Варгас. Если вдруг окажется, что кто-то из учеников травит людей по ночам... Вы понимаете, что будет поставлен вопрос о целесообразности школы? А ведь не только вам хотелось бы ее сохранить. Если смешанный интернат закроют, это значит – город потеряет статус. Это значит, что в нашем Дозоре опять будет только четверо сотрудников на семьдесят семь Темных. Это значит, ситуация в городе будет как везде по стране. Может, чуть лучше, может, чуть хуже. Будет как всегда, а не как сейчас. Я очень этого не хочу. А вы, сеньор Варгас?..

Завуч молчал, только поднимались и опускались крылья его орлиного носа. Саласар-Диего вообще был невысокого роста, а по сравнению с Козловым выглядел и вовсе гномом.

Директор Сорокин тоже молчал. Хранили молчание педагоги. Понятное дело, и портреты, эти вечно немые высокие гости, тоже безмолвствовали. Свой тихий голос подавали только часы.

– Пока Ночной Дозор придерживается официальной версии о группе «диких» Иных. Последствий они не понимают, о Договоре не знают. А современная масскультура даже рисует оборотней в привлекательном свете. Возможно, они чувствуют школу на уровне инстинктов, как средоточие Силы, а когда перекидываются, то просто-напросто чувствуют своих. Потому и ошиваются поблизости... Кто-то из учеников тоже мог их почувствовать. Дети быстро находят общий язык. Наша задача сейчас – как можно быстрее изловить оборотней. Если не успеют натворить дел, я лично приложу усилия, чтобы они оказались в числе ваших новых учеников. Полагаю, здесь их смогут вразумить. Именно поэтому я прошу о содействии. – Козлов надавил на «прошу», как еще недавно Варгас – на «доносить». – Мы уже направили запрос в Инквизицию, чтобы на территории школы временно было разрешено находиться сотрудникам

Ночного и Дневного Дозоров.

– В этом нет необходимости, – впервые заговорил руководитель школьного Надзора Стригаль. – Мы проведем внутреннее расследование. Всю необходимую информацию вы получите, дозорный.

– Вот что, Дреер, – начал Лихарев после того, как притворил дверь на расстоянии. – Не угадал ты, зачем я к тебе пришел. Я же знаю, ты про Стригалья подумал. Нет, не затем. Хотя, конечно, самый краешек ты ухватил.

За окном снова прозвучал свисток.

Лихо шевельнул пальцами. Выкрики с баскетбольной площадки прекратились. Даже и без того слабый шум вентилятора в недрах корпуса учительского терминала стал еще тише.

Дмитрий был уверен, что их с Лихаревым теперь никто тоже не услышит. Не исключено, Лихо даже поставил легендарный Колпак Мюллера, когда-то разработанный Иными из общества Туле. Потом они все попали под закрытый Трибунал, проходивший также в Нюрнберге. Однако их достижения оказались в руках Инквизиции и могли еще применяться в интересах дела.

– Дреер, ты о сыворотке слышал? – спросил Лихарев.

– О какой сыворотке?

– Понимаешь, ты у нас все-таки человек новый, всего не знаешь. А сор из избы выносить нигде не любят. Контингент у нас разный, не соскучишься. Год назад, тебя еще тут не было, поймали мы троих на наркоте. Ясное дело, Темные. Богемой себя решили почувствовать. Конечно, в город когда выходят, так за ними следят. Пронести «дурь» в школу не смогли бы, а распространителей из числа людей мы бы так припугнули... Да что там припугнули, реморализация – и все дела. Они бы сами пошли в органы и всю сеть выдали. Так что эти стервецы придумали! Нашли кого-то, зачаровали и вытащили из памяти формулу. Ну и сделали втихаря в кабинете химии, через заклинание трансмутации. У них даже лучше настоящего получилось, колумбийцы и прочие триады бешеные деньги

отдали бы за этот новый сорт. Хорошо, что в былые годы алхимики философский камень искали, а не идеальный наркотик. Вот где золото! Но мы их, короче, прижали. Вернее, Константин прижал.

– Знаю я, как он прижимает, – мрачно сказал Дмитрий.

– А ведь я Стригалья тоже не любил, если честно, – поведал Лихарев. – Маг он боевой – не мне чета, Инквизитор тоже хороший. Но слишком хороший для нас.

– Я бы даже сказал – слишком Инквизитор, – заметил Дреер.

– Сейчас уже не важно. Нет Инквизитора – нет проблемы. Но с наркотой он сработал на совесть. Всю местную кухню мы накрыли. Пацанов, само собой, исключили, отправили по домам – пускай там Дозоры их прорабатывают. Все-таки наркота – это человеческое, нарушения Договора тут нет. Их и выгнали-то формально за нарушение школьного устава. Но в Дневном им, надеюсь, хорошего ремня дали. Может, даже плетей Шааба.

Дмитрий знал, что такое плеть Шааба, и мрачноватый юмор Лихарева оценил.

– Притихло все. А теперь опять слухи ходят о какой-то сыворотке. Словно эхо...

– Виктор Палыч, – Дмитрий чуть склонил голову набок, – а как вы эти слухи собираете? Осведомители?

– Оперативная информация! – отрезал Лихо. – Все ему расскажи. Знаю, к чему клонишь. От тебя скрывать не буду – кое-что осталось от Константина. Всех этих стригалевских жучков-паучков из школы убрали, но информацию-то никуда уже не денешь. Только вот не докажешь и не опровергнешь. Даже если бы это были настоящие улики, а здесь так, разговоры...

– Я-то чем могу помочь?

– Помочь могу я, – ответил Лихо. – От твоих волчат подозрения отвести.

– Они не мои, Виктор Палыч. Сами по себе, свои собственные.

– Только они тебя, похоже, считают своим. И до случая с Константином считали, а после – тем более.

В школе Светлые и Темные педагоги чувствовали себя в одной лодке. Подменяли друг друга на занятиях, сплетничали, хором костерили начальство, порядки и Дозоры. А вот у детей оказалось все сложнее и одновременно проще. Они четко проводили границу «свои» и «чужие». И, как правило, признавали только учителей и воспитателей своего цвета. Другую сторону – терпели. Надзирателей Инквизиции уважали как силу, не более.

Исключением стал один Дреер.

С какой-то радости Светлый маг самого низкого уровня в первый же месяц работы стал пользоваться доверием некоторых юных оборотней. Он сам не знал почему. Лишь догадывался – наверное, потому что разницы между Темным и Светлым четырнадцать лет или младше не видел вообще. Даже прозвище себе придумал – «сумеречный дальтоник».

Может, еще отчасти «виноватым» оказался его предмет. Дело в том, что Темных в литературе было на порядок больше, особенно в зарубежной. Как в жизни.

А когда неконфликтный вообще-то Дреер устроил скандал на всю школу, после которого глава Надзора Стригаль был спешно отозван в Прагу, Темные стали доверять словеснику еще больше.

Когда Лихарев говорил про «волчат», то делал это беззлобно. Дмитрий потому и считал его нормальным мужиком, что для Лиха школьники в первую очередь были детьми и только во вторую – Иными.

– Следствие по оборотням с мертвой точки не сдвинулось. Если начнут серьезно копать под школу, то докопаются. Поверь мне, дыма без огня не бывает. Что-то неладное у нас творится. Константин это чувствовал, вот палку и перегнул. А Темным школа тоже нужна. Не меньше, чем Светлым. И если запахнет керосином, будь спокоен, они найдут, на кого все повесить. И кто это будет, как ты думаешь? Что бы там ни говорил Диего насчет того, что Темные своих не выдают! Пожертвуют несколькими, для них ведь это пушечное мясо.

– Это все-таки дети.

– Дреер, тебя когда инициировали? – неожиданно спросил Лихарев.

– Виктор Палыч, вы же знаете. Года не прошло еще.

– Вот именно! А меня – в одна тысяча девятьсот восемнадцатом. Поверь моему опыту. Если даже мы с тобой – не люди, то твои «волчата» – уж точно не дети. Есть у меня одна версия. Кто-то из Темных, постарше, класс одиннадцатый, что-то затевает. Может, опять наркоту варит. А нападения и оборотни – для отвода глаз. Иначе говоря, подстава. Ведь и Стригалю про «волчат» кто-то сказал, потому он ими и занялся... с пристрастием.

– Я-то что могу сделать, Виктор Палыч? – заново спросил Дреер.

– Просьба к тебе есть. Если хочешь, человеческая просьба...

Дмитрий вспомнил дозорного по фамилии Козлов. Тот ведь тоже просил, а не требовал.

– Поговори-ка ты с ними. Начистоту. Если сможешь, конечно. А вдруг чего скажут. Вреда не будет от такого разговора, а польза – может быть.

– Они своих-то близко не подпускают...

– Так и я про то. Их не подпускают, а тебя – подпустят. Чужому иногда такое скажешь, чего никакому своему не доверишь.

Дреер внимательно посмотрел в здоровый глаз Лихарева.

– Припугни их, в конце концов. Если их сдадут, Инквизиция шутить не будет.

– Это я уже знаю, – сказал Дмитрий. – Стригаль научил.

– Да ничего ты не знаешь, – рассердился Лихо. – Это Дозоры меняются быстро, а Инквизиция – медленно, если вообще меняется. В том-то и была стригалевская ошибка. Время сейчас не то, чтобы пытки применять. Но Высшие Инквизиторы – они как Стригаль, а не как мы с тобой. Им несовершеннолетнего развоплотить –

раз плюнуть. В интересах Договора.

На баскетбольной площадке вдруг опять кто-то азартно закричал, потом громко начали спорить с Борисычем, что не было никакого нарушения.

А где-то далеко гремели подкововерные игры Дозоров, вечный невидимый фронт. Еще дальше заседали суровые трибуналы Инквизиции и выносили смертные приговоры. У Иных никогда не будет ни моратория на смертную казнь, ни тем более ее отмены. Это своего рода плата за более долгую жизнь.

– Проглядел я табель успеваемости у твоих «волчат», – продолжил Лихарев. – Стали они почему-то очень плохо учиться. А ведь были принципиальные отличники, все до единого, особенно Машка Данилова. А сейчас что? С «двойки» на «тройку» даже она – и почему-то только по предметам Иного цикла.

– По Иной литературе все хорошо, – возразил Дреер.

– А вот по БЖД результаты кошмарно упали! Везде, где есть магическая практика, провал. Как будто у них Силы меньше стало. К чему бы это?

– Не знаю.

– И я тоже. Так что ты поговори.

– Хорошо, – нехотя ответил Дмитрий.

– Вот и ладно, – сказал Лихо.

Поднялся и, не прощаясь, ушел сквозь стену.

За дверью, из коридора, не доносилось ни звука. Шел урок. За окном продолжался баскетбол. Опять дунул в свисток Борисыч.

Когда-то интернат был роскошным поместьем.

До революции в усадьбе, по преданию, гостил сам царь. Во времена нэпа здесь действовала коммуна, где перевоспитывались беспризорники. Потом усадьбу перестроили, возвели два новых крыла и еще несколько зданий в модном тогда духе конструктивизма и устроили детский оздоровительный пансионат. Благо от поместья сохранился обширный парк.

Об истории сейчас говорили только некоторые элементы фасада и статуи волков по обе стороны крыльца. Это было символично.

В девяностые пансионат обветшал и захирел. Парк выродился в дремучий лес. Какие-то ушлые дельцы решили было выкупить землю и построить коттеджный поселок. Но вмешались Дозоры.

Было это на самом рубеже тысячелетий. Времена смутные даже для Иных. В Москве едва не рванула воронка инферно размерами побольше той, что висела над Хиросимой в сорок пятом. Следом какая-то непонятная история произошла в Санкт-Петербурге. Говорят, разбирались Темные друг с другом. Наконец, совсем недавно, год назад, был инцидент с Иными на Байконуре. Что именно там случилось, толком никто не знал. Информацию Дозоры не распространяли, тем более что это как-то затрагивало Инквизицию. А ее всегда и все затрагивало...

Однако не только странными знаменами был отмечен рубеж. Иных стало... просто больше. Что это за феномен, научные отделы Дозоров выяснить пока не сумели. Может, в целом демографическая ситуация такая или возмущения в Сумраке. Когда шесть миллиардов человек отдадут туда Силу – все, что угодно, может шарахнуть. Или проявились на уровне Иных пресловутые мутации, экологическая обстановка, генно-модифицированные продукты и прочие страшилки, какими пугают обывателей. В конце концов, вопрос, как среди обычных людей вдруг появляются маги, тоже не изучен до сих пор.

Иных прибывало. Ненамного, конечно. Но уже не один на десять тысяч людей, как раньше, а примерно один на девять тысяч восемьсот. И Великая Волшебница снова родилась, и не где-нибудь, а в Москве.

Еще совсем недавно искусство быть Иным постигалось только при Дозорах. В Ночном учебные кабинеты никогда не заполнялись и наполовину. В московском Дневном, напротив, приходилось делить школяров на классы и учить в несколько смен. А обучение было поставлено на зависть всем человеческим университетам. Потому что малограмотный специалист или откровенный двоечник – люди неприятные, но терпимые. Где опасны чрезмерно, их научились худо-бедно фильтровать. Разумеется, кроме сфер политики и власти. А вот малограмотный Иной – практически наверняка чья-то смерть.

Но всегда среди учеников находились те, кто не вписывался. Как ни странно, их-то оказывалось примерно поровну, Светлых и Темных, несмотря на константу «один к шестнадцати». Оборотни, норовившие буквально вцепиться зубами в обидчика. Юные ведьмы, чересчур рьяно использующие магию для самоутверждения. Принципиальные Светлые, которые хотели бы исправить слишком многих. Про стычки недорослей в духе «А он первый начал!» и говорить нечего.

Тогда кому-то в голову пришла светлая идея. Да-да, именно Светлая. Этот самый кто-то еще до инициации, в тридцатые, воспитывался в колонии для беспризорников на месте старой барской усадьбы. Идея, как нетрудно догадаться, была в создании интерната-коммуны для Иных подростков обеих сторон. Пусть учатся жить бок о бок.

Идея нашла одобрение Инквизиции. Контролировать отпетых нарушителей, собранных вместе, все-таки легче, чем разбросанных по городам и весям, где порой и дозорный-то один на много квадратных километров.

А может, тот неизвестный Дрееру Иной просто хотел таким парадоксальным образом отбить свою личную «республику ШКИД» у наглых коммерсантов. В любом случае у него получилось. Но что из всего этого вышло...

Учеников набралось действительно поровну. В составе педагогов тоже держался паритет. Но пришлось учитывать, у кого что лучше получается. Так, Светлые в основной массе стали воспитателями, а Темные – преподавателями Иного цикла. Кандидатура директора Сорокина была выдвинута Инквизицией и поддержана обоими Дозорами. Для соблюдения баланса, однако, замов у Петровича было двое, и оба разных «цветов».

На открытие приезжали даже из Москвы, тамошние Светлый и Темный боссы, Гесер и Завулон. А еще кто-то из высших чинов Инквизиции заглянул прямо из Праги. Это все было, правда, еще до Дмитрия.

Как вообще маг низшей категории попал в учителя других волшебников? Тут случился... хм, казус. Иных, которые не ходят в обычную человеческую школу, нужно учить, кроме магии, еще физике, химии, алгебре и прочему. А вот таких учителей в Дозорах не водилось. Многие опытные волшебники овладели Силой на пару веков раньше грамоты. Картина мира складывалась в их голове еще в те времена, когда Земля считалась плоской, а небо хрустальным. Кое-кто не доверял технике, а науку считал пустой игрой ума. Темные не любили человеческие школы, потому что были кормушки во всех смыслах посытнее, хотя бы детские курорты вроде «Артека». Светлые тоже предпочитали врачевать детей, а не учить. Жить с постоянным искусом применить реморализацию вместо долгих педагогических усилий – это оказывалось для них непосильным.

Днем с огнем принялись разыскивать Иных хоть с каким-то педагогическим образованием. И когда едва инициированный Светлый Дреер написал в анкете про свой диплом, его сразу же пригласили для разговора...

Сейчас, когда уроки давным-давно закончились и ужин тоже прошел, словесник отыскал ребят сразу. Это Лихареву потребовалось бы время, а Дмитрий знал, куда идти.

Он поднялся на третий этаж главного корпуса. Если пройти в небольшой тупичок за кабинетом физики, то можно увидеть винтовую лестницу. Та ведет в башню на крыше. В башне – обсерватория. Самая настоящая, пусть и небольшая. С мощным, похожим на инопланетную лазерную пушку телескопом и прозрачным куполом.

Семерка любила собираться здесь, поближе к звездам.

Все-таки напрасно Одноглазое Лихо называл их «волчатами». Меньше половины из них превращались в волков. А двое и вовсе были вампирами.

Сами же они называли себя «мертвые поэты».

Это случилось как раз с легкой руки Дреера, когда он показал им на внеклассном занятии «Общество мертвых поэтов». Диск учитель привез с собой, хотя тут абсолютно не было проблемой достать любой материал. Окончив университет, Дмитрий никогда не работал в школе... в смысле, человеческой. Но учить подспудно всегда тянуло. Когда смог позволить себе DVD, то и не заметил, как начал коллекционировать фильмы на школьную тему, от «Большой перемены» и той же «Республики ШКИД» до разных американских страшилок вроде «Кэрри» или «Класс 1999».

«Общество мертвых поэтов» оказалось самым любимым.

В школе Темные и Светлые друг с другом не враждовали. Может быть, потому, что люди жили не особенно близко, а значит, и ссориться не из-за кого. Однако были те, кого не очень признавали и в своем кругу. Вампиры и оборотни оставались низшей кастой, получая одни донорскую кровь в медпункте, другие – спецдиету в столовой. И если взрослые Темные умели сдерживать свое пренебрежение, то дети – еще нет. Пусть «мертвые поэты» легко опережали будущих магов почти по всем предметам, пусть оборотням не было равных на физкультуре, Светлые не уважали их за то, что Темные, а свои – за то, что низшие.

«Мертвые поэты» выделялись интеллектом и любовью к поэзии. Почти все действительно писали стихи, впрочем, у многих Иных в пубертатном возрасте идет такая сублимация. Правда, и стихи у этих были, честно говоря, мертвые. Заунывные, лакированные, безжизненные, но изысканно-красивые. Так считал Дреер, хотя вслух не говорил. Кое-что даже публиковалось в школьной стенгазете. Но афишировать свое творчество «мертвые поэты» не хотели. Все-таки они были изгоями.

Нельзя сказать, что к семерке низших Темных Дмитрий поначалу относился как-то иначе, чем ко всем остальным. Но литература их сблизила.

...Обсерватория, конечно, была заперта, и не только на материальный замок. Вообще, считал Дмитрий, в школе слишком много охранных заклятий, которые не пускают туда, сюда и никуда. Наверное, у него самого это задевало самолюбие – чтобы пройти сквозь большинство волшебных кордонов, способностей седьмого уровня никак не хватало.

Однако на Дреера как на сотрудника навешивались еще и магические пропуска. А ученикам приходилось искать лазейки. Иногда Дмитрий даже подозревал, что лазейки оставляли нарочно, чтобы дать еще один стимул научиться думать. Никто не развивается лучше, чем на реальных задачах. Даже волшебники.

Проход был заблокирован в Сумраке, но как раз семерка и показала словеснику «дыру в заборе». Оказавшись на винтовой лестнице, тот начал, как ему думалось, неслышно подниматься... пока не задел какую-то невидимую магическую «растяжку». На всю обсерваторию тут же приветственно взревело: «Come on, everybody!» – почему-то выпеваясь на мотив «Рио-риты».

Эту сигнализацию поставили явно те, кого он искал. Таиться больше не имело смысла.

– Приветствую стихотворцев! – громко сказал Дреер, перекрикивая странную песню.

– Здравсьте, Дмитрий Леонидыч! – раздался под куполом нестройный хор.

После истории со Стригалем они сами время от времени звали Дмитрия на посиделки. А словесник рассказывал им кое-что не из программы. Например, кто был загадочным Иным, что нанял в помощники актера Уилла Шакспера и от его имени сочинял пьесы. Ведь среди Иной аристократии в те времена драматургия была столь же не в чести, сколь и у аристократии человеческой. Еще Дреер повествовал, как погружался в Сумрак Роберт Льюис Стивенсон, как боролся с вампирами Амброз Бирс и почему отказались от инициации Булгаков или Стивен Кинг.

Сейчас он выбрался в обсерваторию, как матрос в радиорубку – почему-то именно это сравнение пришло в голову. Семерка была в полном составе, расселись прямо на полу вокруг телескопа. И то правда, Иным простудиться не грозило.

Жгли несколько свечей разного калибра. Купол накрыли нехитрым заклинанием, которое метко называли «тонировкой» – снаружи огня не увидеть. Конечно, для Лихарева или директора Сорокина пройти взглядом сквозь такое было бы раз плюнуть. Но «тонировка» отводила глаза тем, кто специально не присматривался, а большего и не требовалось.

Дмитрий поглядел сквозь прозрачный купол башни на осеннее небо: бескрайняя плитка черного шоколада, щедро посыпанная звездами. Прорекламентировал:

Меркнут знаки Зодиака

Над постройками села,

Спит животное Собака,

Дремлет рыба Камбала.

Вслед за ними бледным хором

Ловят Муху колдуны

И стоит над косогором

Неподвижный лик луны[1 - Здесь и далее стихи Николая Заболоцкого.].

Потом спросил:

– Не помешал ночному бдению?

Впрочем, и так было понятно, что помешал. Не дожидаясь ответа, Дмитрий начал выбирать, куда приземлиться.

– Что вы, Дмитрий Леонидович! – интеллигентно и подчеркнуто правильно сказал предводитель всей компании, вампир Артем Комаров из 9 «А». Собственно, классов в параллели было всего два, «А» и «Б». – Вы как раз вовремя!

– Да? – Дреер не стал садиться на пол и придвинул стул. Руками, а не Силой, все-таки порядок есть порядок.

– У нас тут спор!

– По поводу?.. – Дреер вдруг осекся.

Только сейчас он заметил, что на полу обсерватории расположились не семь подростков, а больше.

Восемь голов. Длинные волосы Комарова. Рыжеватый «ежик» – Толик Ключкин. Буйная черная шевелюра – вервольф Карен Саркисян. Лохматый, нечесаный, с глазами слегка навывкате – просто-таки классический волкулак Гоша Буреев. Единственный белобрысый во всей этой шайке и одновременно самый юный – Стас Алексеенко. И, конечно, наособицу близнецы Даниловы, брат и сестра.

Немудрено, что среди них Дмитрий не сразу углядел скромную рыженькую девочку с короткой мальчишеской стрижкой. Хотя и странно – ведь сидела она, скрестив по-турецки ноги, рядом с Артемом.

Дмитрий не очень хорошо знал девочку, хотя уроки в ее классе уже вел... Кажется, появилась в школе не так давно, с первого сентября. И звали ее вроде бы Анной. Фамилию Дреер вспомнить не смог.

Зато вспомнил, даже не глядя на ауру, что она – Светлая. Первая Светлая в компании «мертвых поэтов».

– Толик говорит, что цвет Иного зависит от настроения, под которым он первый раз зашел в Сумрак... – сказал Комаров.

– Есть такая гипотеза, – ответил Дреер, не сводя взгляд с Анны.

– Ни фиги себе гипотеза! – встрял Гоша. – На Инобиологии только так и говорят.

– Ну-у... – протянул Дреер. – А кто не согласен?

– Я! – сказал с места вечно настороженный Карен Саркисян.

Когда он волновался, у него отчетливо звучал в голосе армянский акцент. Обычно же Дмитрий склонен был ставить литературную речь Карена в пример.

– Получается, какой-нибудь маньяк может всю жизнь людей убивать, пока его не инициировали. А войдет в Сумрак первый раз в хорошем настроении, может, потому что только что кого-то там снова убил... И чего? Будет Светлым?

– Увы, – сказал Дреер.

– Это несправедливо! – эмоционально заявил Карен.

– Конечно, – согласился Дмитрий. – Но и случается крайне редко. Исчезающе. В основном бывает наоборот.

– Среди Темных очень мало убийц, – сказала с места Маша Данилова.

Повисла тишина. Все-таки, кроме Дреера и новой девочки, тут всем рано или поздно выпишут лицензию на охоту за людьми.

– То есть у нас многие должны... питаться, – поправилась Маша. Было видно, что ей самой неприятно говорить. – Но они не убийцы. Не совсем убийцы. Даже вампиры не убивают просто так.

– Мы обыкновенные хищники, – сказал Карен. – Должны есть мясо. Но не убиваем больше, чем можем съесть. А можем и вообще не убивать. Я никого не собираюсь.

– Я тоже, – сказал Артем.

Он был вампиром от рождения. Комаров-старший работал начальником отдела сбыта на крупном мясокомбинате. Мать Артема сама настояла на том, чтобы муж ее инициировал, когда уже была беременна. Дети вампиров редко выживают без инициации, и она не хотела, чтобы сына укусил родной отец. Теперь она трудилась на станции переливания крови, даже использовала Зов, чтобы привлекать туда больше доноров с редкими группами. Ночной Дозор разрешил ей это, оценив пользу и принимая во внимание, что за всю жизнь доктор ни разу не обратилась за лицензией.

Она даже к донорской человеческой крови ни разу сама не притронулась, пила исключительно свиную, мучаясь чувством вины по отношению к людям.

Артем вообще не должен был сюда попадать, Договора он не нарушал. Но все его горе было от ума. Комаров-младший сменил несколько школ, потому что все время доказывал учителям, что они не правы. В конце концов сами родители

попросили перевести его сюда в надежде, что хотя бы среди Иных он успокоится.

Он и успокоился. Почти.

– Тут никто не хочет, – сказал рыхлый Алексеенко, самый маленький из «поэтов» и по возрасту, и вообще. Зато крупнее их всех в сумеречном облике. Такая вот странная акселерация.

– Из-за чего же спор, джентльмены? – вернулся к теме обсуждения Дмитрий. Посмотрел опять на Светлую девочку, потом на Машу Данилову, поспешно добавил: – ...И леди?

– Я думаю, что Темным или Светлым человека делает все-таки не то, с какой ноги он утром встал и первый раз зашел в Сумрак, – заявил Карен.

– А что?

– Как он живет!

– А знаешь, пожалуй, так оно и есть. Разве жизнь не влияет на настроение? Хочешь сам развеселиться – попробуй развеселить другого. И какова тогда вероятность, что в Сумрак ты попадешь в депрессии? Очень и очень маленькая.

– Но мы-то уже не сможем ничего поменять, – сказал Иван Данилов, Машин брат. – Про наше настроение вообще никто не спрашивал. Даже Сумрак.

Даниловы были крайне нетипичными Иными. Потомственные оборотни-змеи, наг и нагайна. Единственные в городе и, пожалуй, во всей Средней полосе России. Какая-то веточка их рода произрастала из Индии. Несмотря на совершенно русские имена – Иван да Марья, – Даниловы и чертами лица немного походили на индусов. Иван – на знойных актеров Болливуда, а отличнице Маше не хватало разве что точки между бровей и сари. При том, что у нее было сказочно красивое лицо, словно у шамаханской царицы, и копна пышных черных волос, Маша все же немного стеснялась своей внешности. Может, боялась, что проявится вторая, «змеиная» натура. А может, из-за нескольких лишних килограммов. Наверное, поэтому Маша никогда не ходила ни в чем обтягивающем. Известное среди

Темных заклинание «паранджи» в школе никого обмануть не могло.

Однажды молодой, необстрелянный и ретивый сотрудник Ночного Дозора при них с братом что-то сказал про «змеиный выводок». Ему, конечно, потом и на службе влетело по первое число. Но это было потом, а в тот самый момент Маша просто-напросто зашипела и, не оборачиваясь в змею, вцепилась ногтями ему в физиономию. Дозорному повезло, что девочка не была оборотнем-тигрицей, которые в Индии тоже не редкость, и ногти у нее оказались вполне человеческими, не выдвижными. Лицо, однако, Маша оперативнику все же попортила. Иван в той памятной драке тоже участвовал, сцепился с дозорными, что примчались своему на выручку. С сестрой он был неразлейвода. А поскольку скандал был не первым, обоих рекомендовали направить сюда, в интернат.

– Поменять что-нибудь всегда можно, – ответил Ивану Дреер. – Не прошлое, так будущее. Думаете, иначе была бы тут школа? Вы же вот не собираетесь охотиться на людей. Разве это ничего не меняет?

– Для людей – да, – усмехнулся Артем. – А для нас ничего.

– Ага, – подхватил лохматый Гоша. – Чуть что, так сразу оборотни!

– Вот что, господа Темные, – сказал Дреер, чувствуя, что момент настал. – Я ведь к вам по делу. Есть возможность сделать так, чтобы оборотни были не «чуть что».

– А как? – оживились «мертвые поэты».

Даже Светлая девочка, скромно сидевшая между ними и не проронившая ни слова, подняла голову.

– Кто слышал о сыворотке? – спросил Дмитрий, чувствуя себя кем-то вроде Одноглазого Лиха.

Сидящие на полу обсерватории замерли.

– Какой сы... воротке? – протянул Гоша.

Глава 3

Дмитрий любил выйти на улицу ночью. Хотя и знал, что тоска по звездам для него теперь – нечто вроде фантомной боли. Сожаления о давно утраченном.

А узнал об этом тоже в школе. Но в другой.

Пройдя инициацию и согласившись преподавать, Дмитрий отправился на учебу сам, и не куда-нибудь, а в московский Ночной Дозор. Он, кстати, там был вовсе не один такой из провинции. В Москву многие тянутся, Иные тут не исключение.

К удивлению Дмитрия, класс у них подобрался весьма... хм... странный. Взрослые мужики, некоторые уже седобородые, кто откуда. И почему-то все, кроме занятий магией, еще писали фантастику. Особенно много ее сочинял усатый Руслан из Казахстана.

Дмитрий фантастику любил не очень. А после инициации мир оказался куда поразительнее, чем все, что могли навоображать себе писатели. Произведения коллег по школе Дреер читал скорее из вежливости. Тем более что опубликоваться им было в общем-то проще людей. Стоило только наложить на редактора небольшие чары или провести самую простую реморализацию. Воздействие не выше пятого уровня, разрешенное в целях тренировки. К тому же увлечение фантастикой руководством Дозора и школы поощрялось как способствующее выплеску положительных эмоций у людей.

Зато история магии! После некоторых занятий Дмитрий ходил по коридорам как пьяный. Еще бы, узнать, что Великий Мерлин – вовсе не литературный персонаж. Или что поэт Томас Лермонт, предок нашего Михаила Юрьевича, и поныне здравствует на посту главы шотландского Ночного Дозора. Или что кумир детства Брюс Ли отнюдь не умер, а вынужден был срочно перейти из оперативного резерва в действующие сотрудники Ночного Дозора Гонконга, когда там сложилась критическая ситуация в семьдесят третьем. У него даже сумеречный облик – маленький дракон...

Занятия обычно вела бодрая старушка Полина Вячеславовна, но не все. Один раз лекцию читал заместитель самого Гесера по фамилии Городецкий. Дмитрию тот

чем-то сразу понравился. Простой какой-то, даром что Высший. Но видно было: нечто как будто гложет его изнутри.

Городецкий сообщил, что руководство сначала было против его лекции, но затем все же разрешило. В целях эксперимента. Дмитрий, послушав его, узнал, что Иные отличаются от людей вовсе не умением пользоваться Силой, а если угодно, ее пониженным уровнем. Вернее, пониженной «магической температурой». Из-за этого они притягивают к себе магию, которая представляет собой не что иное, как преобразованные эмоции всего живого. Только у людей эмоций больше. Следовательно, – Городецкий, когда дошел до этого места, почему-то выглядел чернее тучи, – Иной не может отрываться от своей питательной среды. Иные никогда не полетят в космос. По крайней мере до тех пор, пока там не возникнут крупные человеческие поселения.

Дреер попробовал через Сумрак понять боль этого странного дозорного. Но куда ему с седьмым уровнем до Высшего мага! Все попытки Дмитрия отскочили от защиты Городецкого как теннисный мячик от стенки.

Вокруг тем временем маги-фантасты едва не рвали на груди рубахи. Мы, Светлые, и вдруг паразитируем, выходит, на человечестве! В лучшем случае пасем его, как сторожевые овчарки, но от этого не перестаем быть хищниками!

Городецкий еще поговорил с ними, грустно улыбаясь, попрощался и закончил лекцию.

Дреер тогда не стал вообще ни с кем делиться соображениями. Он не очень любил выносить наружу что-то сокровенное. На ум тогда пришло, что Иные не хищники. Они просто дети человечества. У Дмитрия же родители были самыми что ни на есть нормальными людьми, без всяких магических способностей. У этого Городецкого наверняка тоже. Впрочем, его собственная дочь, говорят, очень сильная Иная. Что же, повезло...

Каждый родитель мечтает, чтобы дети его пережили и похоронили. Даже не мечтает, это само собой разумеется. Иные переживали обычных людей на сотни, иногда на тысячи лет, если не гибли при стычках Темных и Светлых или на человеческих войнах и охотах на ведьм. Правда, пережить все человечество они не смогли бы, потому что, лишённые Силы, и сами превратились бы в людей. Но все равно относиться к людям следовало как к родителям. Только Темные,

можно сказать, безнаказанно вытягивали из них пенсию, а Светлые пользовались наследством, помогая, чем могли. Впрочем, даже Темные не собирались рубить сук, на котором сидят, и проматывать все отцовское состояние.

Но зато Дмитрий хорошо усвоил из лекции, что звезды – не для Иных. Может, это и правильно. Маги, колдуны, оборотни, они из того мира, где небо держат атланты, Землю – слоны и черепаха, а первая и вторая космические скорости еще не открыты. Они были чужими на празднике жизни, когда взлетел первый спутник, поднялся на орбиту Гагарин, пристыковались «Союз» и «Аполлон». Для Иных Луна – солнце мертвых, а не плацдарм для луноходов.

Дмитрий шел не торопясь и смотрел на звезды, как будто прокладывал маршрут. Хотя дорога была ему отлично известна. Откровенного разговора с обсерваторской братией у него все-таки не получилось. Но осталось стойкое чувство, что поэты темнят в самом прямом смысле.

Компания отвечала на его вопросы крайне аккуратно и сдержанно. И это после спора о том, по настроению получают свой цвет или по природной склонности! «Мертвым поэтам» вообще была свойственна запальчивость. А тут ее не было и в помине. Они вроде бы говорили всё – и ничего. Дреер начал даже подозревать, а не используется ли сейчас популярный среди школьников Заговор Зубов. Хотя уровень каждого из семерки в отдельности был невысок, все вместе они могли сотворить что-то хитрое. К тому же с ними эта девочка... Однако лично Сорокин, маг первого уровня, повесил на Дмитрия заклинание-нейтрализатор под названием Крупица Истины, и девяносто девять целых и еще сколько-то там сотых приемов на Дреере просто не могли сработать.

– Вы поймите, – убеждал Дреер, – если кто-то здесь орудует, это же на всю школу тень. До Стаса вон уже докапывались. Еще два-три случая, и сюда нагрянет армия Инквизиторов. А полномочий у них будет больше, чем у Стригаля. Извини, Стасик...

Он увидел, как скривился Алексеенко.

– Дмитрий Леонидович, – сказал Комаров. – Вы тоже поймите. Да если бы мы сами знали, кто тут кому и чего! Вы думаете, нам кто-то скажет? Мы кто? Мертвые поэты. Низшие.

– Ага, – подхватил Гоша. – Вот-вот. Отбросы Сумрака.

– Гоги! – укоризненно прикрикнула на него Маша Данилова.

– А что я такого сказал? – удивился Буреев.

Дреер еще немного посидел с ними, сделал хорошую мину при плохой игре, чтобы не выдать своего фиаско. Рассказал пару литературных баек из жизни Иных-фантастов времен своего ученичества в московском Дозоре. Поэтам особенно понравилась бытовавшая несколько лет назад гипотеза, что можно превратить обычного человека в мага или, во всяком случае, резко продлить срок его жизни. Для этого сразу много Иных должны написать книги, где человека по-разному убивают. Говорили, даже нашелся один доброволец, но эксперимент успехом не увенчался. По крайней мере Иным доброволец пока еще не стал.

Потом Дмитрий ушел. Спать не хотелось абсолютно. Что касается учеников, то растущие Темные могли бодрствовать хотя бы и неделю, и здоровью это не угрожало, равно как и просиживание на холодном полу ночь напролет.

Дреер прошелся по школьному двору. Вышел в темный парк и двинулся по аллее. Оглянулся на башню обсерватории. Та выглядела безжизненно. У «мертвых поэтов» был резон скрываться даже после того, как убрали из школы Стригалья.

А началось с того, что была примерно такая же ночь. Только Дмитрий не ходил бесцельно, как сейчас, а возвращался в жилой корпус педагогов из клуба. Они засиделись с учителем химии Быковским, тот взялся обучить Дреера некоторым магическим трюкам. У словесника даже кое-что получилось. Дмитрий возвращался чуть ли не вприпрыжку, размахивал руками и едва не налетел на фигуру, которая съежилась на краешке парковой скамьи.

Чтобы спасти авторитет, Дреер требовательно посмотрел сквозь Сумрак и увидел печать оборотня. По индивидуальному рисунку он уже вполне мог распознать, кто это.

– Стас? – Дмитрий наклонился к фигуре. – Ты почему не спишь? Куда вообще комендант смотрит?

Вместо ответа Стас Алексеенко упал со скамьи на землю и начал трансформироваться.

Словесник уже видел такие превращения, но лишь в записи. Трансформация оборотня в юном возрасте была очень интимным процессом и воспринималась им не лучше, чем, к примеру, поллюции. На глазах чужого, тем более Светлого...

Но здесь... было что-то не то. Стас выпускал когти на одной руке, а затем тут же втягивал обратно. Одна его нога превратилась в заднюю лапу, разорвав штанину, а кроссовка и вовсе разлетелась в клочья. Но другая нога по-прежнему оставалась человеческой. Челюсти как будто пульсировали, они то начинали переходить в волчью пасть, то возвращались к прежнему облику. И при этом Стас катался по земле, стонал, временами даже рычал. Изо рта пошла пена.

Дреер был проинструктирован, что делать. Тут же мысленно вызвал обоих школьных целителей, Светлого и Темного. Не дотрагиваясь до корчащегося Стаса, они подняли его с помощью телекинеза и перенесли в интернатовский лазарет. Дреер, разумеется, просочился за ними.

Он не понял, что там наколдовали два эскулапа, но Алексеенко, лежа на койке, целиком вернулся в свой обычный человеческий облик. Светлый целитель Семенов качал головой, смотрел ауру, проводил какие-то манипуляции. Его Темный коллега, классический русскоязычный немец Карл Фрилинг, был куда спокойнее. В конце концов он даже остановил коллегу:

– Неужели не видишь?! Это же Правдолюб! Посмотри на зрачки, на радужку. И в ауре характерные сполохи внизу.

– А ведь точно, – сказал Семенов. – Т-твою дивизию!..

– Что такое Правдолюб? – подал голос Дреер.

Фрилинг повернулся к нему со странно недоброй усмешкой. Вообще пожилой врач благоволил учителю словесности, несмотря на его Светлую принадлежность. Очевидно, из-за фамилии.

– Допросное заклинание Инквизиторов, молодой человек. Говорят, очень помогало во время следствия по делу магов из «Анненэрбе» в сорок пятом. С одной стороны, крайне эффективно. В былые годы действовало даже на тех ведьм, что выносили обыкновенные методы дознания третьей степени. С другой стороны, показания, данные под его действием, принимаются на Трибунале. Формально это не пытка.

– А на самом деле? – Дреер почувствовал, как голос дрогнул.

Фрилинг пожал плечами.

– Я на себе не испытывал. Вообще я плохо знаю... серую магию. Но насколько мне известно, Правдолюб используется лишь как последнее средство, если вина подследственного не подлежит сомнению. И применяется только к Иным старше пятидесяти лет. Врать или скрывать что-нибудь... делается очень больно. А правду говорить легко и приятно.

– Зар-разы! – прорычал Семенов. – С-сучьи потроха в мантиях.

– Это не Лихо, Петрович, – урезонил Фрилинг. – Он же все-таки ваш... белый, так сказать.

Дмитрий немедленно вспомнил, как за спиной обоих школьных надзирателей ходил стишок «один Серый, другой Белый, два веселых гуся». Он знал, что Стригаль до перехода в Инквизицию был Темным. Сколько ему лет на самом деле, никто не мог бы сказать уверенно. Наверное, знал директор Сорокин, но тот не распространялся.

Стас тем временем уже совершенно затих. Семенов вколол ему обезболивающее, потом успокоительное.

– Этих сволочей надо отсюда поганой метлой, – заключил он, вытащив шприц.

– Мы все под ними ходим, – по обыкновению спокойно заметил Фрилинг.

Ему было лет триста, насколько знал Дмитрий. Фрилинг был выявлен и инициирован поздно, когда ему перевалило хорошо за шестьдесят. Старый

циник уже в силу характера не мог быть Светлым. Но людям он никогда не вредил, соблюдая клятву Гиппократы. Напротив, снимал боли у пациентов, забирая весь их внутренний негатив. Даже нервных больных так вылечивал. Эта способность, природы которой до инициации Фрилинг сам не понимал, обеспечила ему в своем местечке славу непревзойденного лекаря и обширную практику. Получился своеобразный симбиоз: Темный маг тянулся к людям, когда им плохо, а те шли к нему, чтобы от этого избавиться. А между делом Фрилинг стал пользоваться и своих. Времена стояли хотя и формально просвещенные, но все равно глухие в плане толерантности к разного рода нежити. Обратни приносили ему собственных детей с какими-либо отклонениями, и Фрилинг постепенно обрел в своей среде редкий опыт.

В годы Второй мировой оказывал врачебную помощь бойцам германского Сопротивления и даже укрывал, отводя глаза тайной полиции. На Нюрнбергском трибунале проходил свидетелем. После войны осел в Западном Берлине.

Но, видимо, и за ним водились какие-то грешки, как за любым Темным. Благодаря этому Инквизиция и уговорила Фрилинга вылезти из берлоги и стать одним из двух школьных докторов.

– У него же слепок ауры должен остаться! – пробормотал Семенов. – Четкий еще, это ведь последнее, что он видел. Сейчас сниму! Как ни крути, вещдок.

– Петрович, – вдруг сказал Фрилинг. – Я не буду свидетельствовать против, если что.

– Я буду, – сказал Дреер.

А вот зачем он сделал то, что сделал потом, объяснить себе было трудно.

Дмитрий вышел из лазарета и вместо того, чтобы напрямик идти к директору Сорокину или просто направить ему мысленную докладную, поднялся на второй этаж и завернул в крыло, где находился кабинет надзирателей.

Из-под двери пробивался свет. Замок был заперт, но в Сумраке вход не заблокирован. Дмитрий умел входить только на первый слой. Этого хватило.

В кабинете сидел один старший надзиратель Стригаль. Никакой серой инквизиторской мантии на нем не было. Надзиратели вообще носили мантии только по особо торжественным случаям и во время официальных визитов кого-то из Высших Иных.

Накинув на плечи пиджак, Стригаль курил трубку и работал с ноутбуком. На столе горела старинная лампа с круглым абажуром. Перед столом у стены располагалось массивное деревянное кресло, обитое потертой кожей. В него усаживались те, кого приглашали для выяснения и профилактических бесед. Какие заклинания понавешаны на это кресло, Дмитрий определить не мог, но сейчас оно показалось ему настоящим инструментом из арсенала человеческой инквизиции века эдак пятнадцатого.

– Чем могу?.. – не оборачиваясь, сказал Инквизитор Дмитрию.

– Вы ответите, – Дреер почувствовал, как дрожит голос.

Тогда Стригаль соизволил повернуться. Блеснули его седые виски, хотя гладкие, зачесанные назад волосы надзирателя были почти идеально черными. Глубоко посаженные глаза проткнули словесника.

– За что?

– Вы пытали ребенка.

Дмитрию было неприятно говорить с Инквизитором на вы, но рефлекс срабатывал быстрее соображений.

– Наставник Дреер, – жестко и официально произнес надзиратель. – Школьный Надзор отчитывается только перед Инквизицией. А вы вообще не должны были переступать порог кабинета без предупреждения. Вам ясно?

– Значит, будете отвечать перед Инквизицией. Я позабочусь. – Дмитрий перевел дух, испытывая вообще-то не свойственное ему желание вмазать Стригалью по лицу немедленно, не сходя с места. Не давая даже возможности встать.

Впрочем, маг первого уровня Стригаль легко пресек бы такое рукоприкладство еще до того, как Дреер сжал бы кулак. Хотя... может, помог бы эффект неожиданности.

Но драться Дмитрий все-таки не полез. Опять же потом он толком не мог себе объяснить почему. Вообще во всей этой истории им двигала уж никак не голова.

– Покиньте кабинет, наставник Дреер, – сказал Стригаль. – Я веду расследование. Можете жаловаться, если хотите.

Отвернулся и снова вставил в рот трубочный мундштук. Даже клуб дыма выпустил.

Курить в школе запрещалось, но Инквизиторы явно поставили себе специальное закливание и нашли, как это обосновать по уставу.

– Вы в школе работаете, а не на живодерне, – выдавил Дмитрий.

Он не знал, честно говоря, как пронять Стригалья. Не в затылок же его двинуть, в самом деле. Дмитрий вообще не понимал, зачем здесь находится. Но что-то важное было в том, чтобы прийти именно вот сюда, а не к Сорокину. Может, убеждение, что войну сначала надо объявить.

Стригаль никак не отреагировал на реплику.

– Это не щенки, а дети, – продолжил Дреер. – Даже средневековая Инквизиция вроде бы не пытала детей...

Непоколебимое спокойствие Инквизитора все-таки действовало. Дмитрий поймал себя на том, что цедит слова не так твердо.

– Заклинание *Amor Veri*, известное среди русскоязычных Иных как Правдолюб, не квалифицируется как форма *Quaestion*, – не оборачиваясь, ответил Стригаль. – То есть, чтобы вам было понятнее, не является допросом с пристрастием. Это первое, наставник Дреер. А второе – это не дети. Это Иные.

– Ему тринадцать, и он в лазарете.

– Мне жаль. – Надзиратель снова повернулся к Дмитрию. Трубку при этом изо рта не вынул. – Но в ваших же интересах, чтобы мы как можно быстрее раскрыли дело.

– Что? – Дмитрий поперхнулся. – пытки учеников в моих интересах?

– Возможно, метод был выбран неверно, – Стригаль наконец-то вытащил трубку. – А что касается интересов... Здесь задействована вся школа, в том числе и вы. И даже этот... вервольф.

Слово резануло. Даже от Инквизитора Дмитрий ожидал услышать «этот мальчик».

– Во все времена Иные не разделяли себя на взрослых и детей. Это человеческое поветрие, да и у людей оно проявилось не так давно. Когда-то дети несли полную ответственность за себя, как и взрослые. По-моему, это даже педагогически оправданно. Только в наше время они могут позволить себе долго не взрослеть. В школах Дозоров до сих пор нет деления на взрослые и детские классы. Не забыли? А перед Договором равны все.

– Почему вы его выбрали для допроса? – вдруг спросил Дмитрий. – Почему этого мальчика?

– Не обязан отчитываться.

– Почему не Длинный Язык? Почему именно Правдолюб?

– Не обязан отчитываться.

Стригаль уже собрался было повернуться, но Дмитрий резко шагнул вперед:

– Он из них самый маленький, из «мертвых поэтов». Вы решили, что он самый слабый и быстрее выдаст все, что знает. А он, наверное, не сказал. Круговая порука оборотней у них с молоком матери впитывается. Особенно если они рожденные, а не просто укушенные. Ведь так все было?

– Вопросы здесь обычно задаю я, – ответил Стригаль. – Вы можете идти и рассказывать свои предположения где хотите. Отчет я буду держать только перед бюро в Праге. Уходите, наставник Дреер. Но учтите – мальчик вряд ли будет о чем-то говорить. А лекари... – Стригаль называл школьных докторов, как привык, – Фрилинг не станет свидетельствовать. А Семенов получит право на Светлое вмешательство первой степени.

– Я не знал, что наши Инквизиторы тоже продают индульгенции, – сказал Дреер.

– Вы еще ничего не знаете. – Стригаль посмотрел на дверь, и та сама открылась.

Дмитрий вышел. Но прежде, чем дверь захлопнулась, успел повернуться и сказать:

– Меня только сегодня научили делать слепок с памяти. Чтобы точно знать, кто чего выучил. Я сделал его с Алексеенко.

Почему-то он не боялся, что Стригаль постарается его остановить. В этот момент Дмитрий вообще ничего не боялся.

...А Стригаль ошибся.

После доклада Дреера Сорокин немедленно сам отправился в лазарет и застал там надзирателя за попыткой уладить дело. Однако лекарь Семенов уже и без директора школы успел послать Инквизитора куда подальше. Как потом рассказывал Фрилинг, вполне открытым и лексически богатым текстом. Кстати, оценив ситуацию, старый немец-эскулап тоже присоединился к Светлым.

На следующий день из Праги явились несколько функционеров в серых балахонах. Сняли информационные слепки, записали показания. Дело собрались было замять, но тут вскрылось и еще одно: Стригаль в обход правил наводнил школу следящими магическими устройствами. «Жучки» – а это были действительно насекомые-гомункулы – проникли в жилые комнаты учеников и, что совсем уж ни в какие ворота не лезло, в комнаты учителей.

Откуда всплыли эти сведения, Дмитрий не узнал. Но почему-то был уверен, что постарался один из «мертвых поэтов».

Стригалия отозвали в Прагу. Дмитрию Сорокин выразил благодарность. Лихо, который, по официальной версии, не был посвящен в планы старшего надзирателя, сам оказался старшим. И не было худа без добра: данные гомункулов подтвердили, что ученики не выходят за пределы школы.

Правда, гомункулы просочились далеко не везде.

Дмитрий сам не заметил, как вышел за территорию. От ближайших городских улиц школьный парк отделяла только небольшая полоса одичавшего, ничейного леса. Полосу разрезала надвое просека с высоковольтной линией. Опоры ЛЭП под звездным небом напоминали брошенные с последнего вторжения марсианские боевые треножки, которым земляне нашли вполне мирное применение.

Дальше опять начинался черный лес. Хотя Дмитрий ничуть не боялся. Большинство обыкновенных человеческих страхов ушло еще во время учебы в школе московского Дозора. Боязнь уличного нападения, замешательство перед хамом в магазинной очереди, идиотский ступор перед милиционером, судорожная паника, не забыл ли чего выключить или закрыть квартиру, – все это исчезло. Как еще в детстве в одночасье пропала необходимость спать одному со светом.

Конечно, многое и осталось. К примеру, если на ночь посмотреть какой-нибудь качественно снятый голливудский кошмар, то идти потом в туалет по темному коридору было как минимум неудобно. Смешно даже, однако – правда. За близких, понятное дело, тоже бояться не перестаешь, хотя и знаешь, что возможностей нечто предпринять теперь на порядок больше.

А еще возникали иногда нелепые мистические страхи. Впрочем, на курсах учили, что не такие уж они и нелепые. Это прорывается в подсознание информация из Сумрака. Важно научиться ее правильно расшифровывать. Кое-чему научили. Но здесь опять же стоял барьер – собственный уровень. Тонко понимать и раскладывать сигналы Сумрака, подобно Высшему или хотя бы магу первого уровня, Дмитрий не сумел бы при всем желании и старании. Впереди были десятки, если не сотни лет роста.

Но сейчас он почувствовал именно такой страх. Ничем не обоснованный, совершенно чужой. Все тропинки за месяцы работы в школе стали ему более или менее знакомы. За деревьями уже виднелись деревянные дома окраины. Кое-где светили окна и фонари над воротами. Дреер разглядел даже подсвеченный баннерный щит у дороги: «Все виды наружной рекламы. Звоните...» Телефонный номер отсюда не был различим за ветвями.

Кольнула ностальгия. После вуза Дреер сразу ушел работать в рекламу. Можно сказать, повезло. Конторка у них была маленькая, занимались всем подряд: вешали наружку, накатывали самоклейку на дешевые вывески, придумывали слоганы и рисовали макеты в пиратском «фотошопе». Из этой развеселой и насыщенной по-своему жизни Дмитрия и вырвала инициация.

Шумел ветер в кронах над головой. Далеко-далеко брехали собаки во дворах.

– Спит животное Собака, дремлет птица Воробей... – пробормотал Дмитрий.

Что-то было не то.

Он вошел в Сумрак. Мир вокруг стал напоминать съемку в сепии с наложенным эффектом «блюр». Это опять полезли в голову сравнения с картинками в графических редакторах.

Изо рта вырвались клубы пара. Деревья на этом слое реальности сделались намного толще и выше, превратив лес в былинную чащобу. Зато, кроме деревьев, здесь ничего не было, не ощущалось ничье присутствие. Вдалеке мерцали размытые пятна света – дома пригорода. Как они здесь, интересно, выглядят? Наверное, глухие замшелые избы, вросшие в землю по самые окна.

Дмитрий вышел из Сумрака, вдохнул полной грудью – октябрьский стылый воздух теперь показался ему даже теплым. И сразу увидел перед собой волка. Шагах в десяти.

Не волк даже, а волчок. В глазах огоньки – отражается свет, долетающий с дороги.

Настоящих волков в здешних лесах не водилось. Лет десять назад, в девяностые, когда запустело охотничье хозяйство, объявилась была стая. Но когда тут устроили интернат, Иные спровадили хищников подальше. Обратни из родительского комитета и постарались.

Так что волчок перед Дмитрием был явно... хм... неестественного происхождения.

– Здесь территория школы, – сказал Дреер, стараясь говорить как можно более спокойно и веско. – Трансформируйся! Или вызываю Дозор!..

Он понимал, что несет ахинею. Но волку нужно было как-то заговорить зубы.

А еще Дмитрий взглянул на зверя через Сумрак. По печати он уже мог бы идентифицировать, кто из школьников ушел в «самоволку».

Мелькнула абсолютно несвоевременная мысль, что неплохой термин для нарушителя – Самоволк.

У того, кто этот новый термин инициировал, не было регистрационной печати. Так и есть, «дикарь».

– Слышал? Живо обернулся! – Дмитрий шагнул к волку, торопливо вспоминая останавливающие заклинания.

И понял, что все, как назло, забыл. Вот что значит – нет практики. На курсах в Дозоре он учил несколько простых трюков. Только зачем это в школе, где ни в одну голову, даже украшенную зубастой пастью, не придет нападать на учителя? Хотя бы из боязни поближе познакомиться с методами школьного Надзора.

Волк глухо зарычал. В унисон ему слышалось рычание слева.

Дмитрий повернул голову, стараясь тем не менее не упустить из виду серого. Метрах в десяти на поваленный ствол вспрыгнул еще один волк.

Влип, наставник Дреер, произнес в голове Дмитрия бывший глава надзирателей Стригаль.

Оборотень впереди тем временем припал к земле. И тогда руки Дмитрия сработали сами за своего владельца. То есть даже не все руки, а только кончики пальцев. Как оказалось, в рефлексy кое-что все же ушло. Когда отправлялся на прогулку, Дмитрий бессознательно сотворил и поставил на взвод простенькие заклятия света, чтобы, если что, было видно, куда идти.

Теперь он активировал их разом, получив ослепительную вспышку. Самого Дмитрия заклинания, однако, ослепить никак не могли. Этим он и воспользовался, дунув во всю прыть в сторону школы, словно был не солидным двадцативосьмилетним педагогом, а всего лишь третьеклассником, напуганным большой овчаркой.

Волки очень скоро, всего через несколько секунд, пришли в себя и бросились в погоню. Еще в детстве Дмитрия учили не бегать от собак. Но сейчас ноги несли сами. Достаточно было бы преодолеть каких-нибудь двести метров – и беглец попал бы под действие защитных чар. А там уже не поздоровилось бы пришлым волкулакам.

Защиту ставил лично Стригаль. А тот свое дело знал.

Дмитрий вылетел на просеку. Звезды мерцали над громадными стальными опорами ЛЭП. Когда Дреер пересекал это место в направлении города, оно вовсе не казалось ему широким. Теперь же дальний край виделся почти недосягаемым.

Можно было не оглядываться: четвероногие преследователи тоже вырвались на открытый простор.

В боку закололо. Напрасно, ох напрасно вы пренебрегали физкультурой, наставник Дреер. Грушу в зале колотить в перчатках и вяло тягать гантели – этого мало. А ведь говорил себе, надо бегать по утрам. Тем более здесь, в сосновом лесу, в парке, на чистом и свежем воздухе.

Дмитрий нажал. У кромки леса он все же оглянулся – и от увиденного припустил еще быстрее, забыв про колотье в боку. Его догоняли уже не два волкулака, а

целых три. И третий был раза в полтора крупнее тех двоих.

По закону подлости, беглец все-таки запнулся и растянулся на покрытой хвоей земле. Почему-то даже страх прошел, осталась лишь какая-то детская обида. Сзади послышалось рычание и даже твяканье.

А впереди тоже зашевелилось.

Дмитрий поднял голову. Нечто ползло, стелилось под кустами, перетекло через мощный, вылезший из земли корень. Потом резко вздыбилось, качнулось и зашипело.

Над Дреером возвышалась огромная змея. Глаза уже хорошо привыкли к темноте, чтобы разглядеть исполинскую королевскую кобру. Такую, каких не бывает в природе и какие водятся только в сказках и низкопробных фильмах ужасов о секретных экспериментах военных.

Рычание позади резко изменило тон.

Кобра выгнулась, раскрыла щитки. Ее внимание сейчас занимал явно не учитель словесности.

Дмитрий никогда не думал, что готов будет обнять змею. Он читал личное дело Даниловых и знал, что у нагов после трансформации появляются ядовитые зубы. Укус нага парализует дыхательную систему намного быстрее, чем укус настоящей королевской кобры. Дмитрий не знал, кто из близнецов сейчас перед ним. В змеином облике он их ни разу не видел, только на фотографиях. Но отличить двух кобр разного пола смог бы, наверное, только биолог, Дмитрий же и волка от волчицы не отличил бы.

Он осторожно поднялся на ноги. Странно, как это Маша или Иван забрались так далеко? Или он сам что-то перепутал? Но граница защищенной территории должна быть не здесь, а вон за теми деревьями. Как он или она выползли?

Змея подалась вперед. Дмитрий оглянулся. Глухо рыча, дикие волкулаки пятились.

Дреера осенило. Он посмотрел сквозь Сумрак на печать нага. По рисунку узнать, кто это из двоих близнецов, довольно легко.

Но у змеи не было печати. Так же, как и у волков.

Незарегистрированный наг. В средней полосе России. Вот так просто взял и приполз.

Раздумывать было некогда. Дмитрий припустил с места в карьер, разве что бежать так быстро уже не мог. Он не столько услышал, сколько почувствовал, как хвост змеи вспорол хвойный ковер.

К счастью, до зоны действия защитных чар было уже рукой подать. Дмитрий видел сквозь Сумрак их разводы, похожие на северное сияние или трепет силовых полей в каком-нибудь фантастическом фильме.

Он прыжком влетел под защитный полог, отбежал на всякий случай еще на несколько шагов и снова обернулся.

В нескольких метрах от Дмитрия тихо покачивалась королевская кобра. У него даже возникли сомнения, правда ли, что она не успела его догнать. Может, просто не хотела? Впрочем, кто знает, насколько быстро могут двигаться змеи. Все же это не гепард. Наги не загоняют добычу, а подманивают ее зовом, похожим на вампирский, и только потом резко атакуют. Как правило, жертва ничего не успевает понять.

Но змея вела себя непохоже на канонического нага из учебника. Однако приближаться не стремилась, и Дмитрий осмелел. Он вообще, если честно, змей не боялся и не испытывал к ним отвращения. В зоопарке один раз с удовольствием сфотографировался с питоном на шее, тот оказался даже теплым и приятным на ощупь. Но эта внушала не совсем страх. Что-то иное. Комок подкатывал к горлу.

– Дмитрий Леонидович!

Дреер вздрогнул. Голос раздался из-за спины и принадлежал Маше Даниловой.

– Только не злите ее! Она вас не тронет!

– Откуда ты знаешь? – не сводя с пресмыкающегося глаз, спросил Дмитрий. – Это Иван?

Он понимал, что сморозил глупость. У Машиного брата на груди светилась бы регистрационная печать, как и у нее самой.

– Тут Иван, – слышался еще один голос.

Маша встала по правую руку от Дмитрия, ее брат – слева. Он был хмурый и какой-то совсем не свой.

Змея вдруг зашипела и вновь раскрыла щитки капюшона, словно реагируя на опасность.

– Дмитрий Леонидович. – Маша взяла Дреера за руку и потянула назад. – Уходите. Быстро. Мы ее прогоним.

– Откуда здесь...

– Уходите! – почти прошипела нагайна. – И не говорите никому. Пожалуйста! Если скажете, нам конец.

Дреер не понимал, как появилась третья змея, если нагов не должно было быть нигде в радиусе тысяч километров. Но почувствовал, что выяснять прямо сейчас – мягко говоря, не время.

Он сам начал пятиться, как волкулаки. Потом догадался, что близнецы ждут, когда он скроется из виду. Им нужно трансформироваться... наверное.

Дмитрий отвернулся. Но перед этим ему показалось, что в темноте рядом с неизвестным нагом что-то еще шевельнулось. Как будто... и этот наг был не один.

Близнецы стояли, взявшись за руки.

Дмитрий вышел на протоптанную тропинку и быстро зашагал к жилому корпусу. Казалось, что он все еще слышит шипение. Почему-то лезла на ум фраза: «Гарри Поттер – змееуст!»

Глава 4

В своей комнате Дреер ходил из угла в угол и думал, как быть. Дикие оборотни – вот дурацкая фраза, но по-другому не скажешь, – кружили вокруг школы. Еще откуда-то появился лишний наг. «Мертвые поэты» тут, естественно, замешаны, только непонятно, с какой стороны. Если не пойти к Лиху, дикари продолжат свои бесчинства. Если пойти, то обормотам из обсерватории не поздоровится. А еще выйдет по всему, что Стригаль оказался прав...

Чтобы наутро привести себя в чувство, Дмитрий прибежал к точечному массажу, которому его в начале сентября обучил лекарь Семенов. Массаж помог слабо, и Дмитрий сотворил пару заклинаний для тонуса. Заклинаниям его тоже в начале сентября обучил Фрилинг.

Перед занятиями никого из близнецов Даниловых словесник не видел. Но после третьего урока все же отловил Машу на перемене.

Вокруг по своим делам спешили педагоги и ученики. Над головами школьников порхали синие бабочки – творение Надежды Храмцовой. Если кто-то не выучил домашнее задание, бабочка, пролетая над ним, меняла цвет крыльев на бордовый и начинала кружить. Школяры, впрочем, тоже были не лыком шиты. Прикормили и зачаровали стайку воробьев, и отныне те с чириканьем носились по коридорам, охотясь на крылатых ябед и всюду мусоря, к ярости технички.

Воздушные бои прекращались только на время уроков.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Маша посмотрела на Дреера исподлобья. Деваться было некуда. Да если бы она и хотела скрыться, то просто не явилась бы на занятия.

Но Дмитрию ничего не сказала. Только помотала головой и крепче перехватила стопку учебников.

– Что это было? К вам приехал кто-то из родственников? Тайно, без регистрации?

– Нет, – быстро ответила Маша.

– Тогда откуда появилась... – Дреер прикусил язык на слове «змея». Он знал, как Даниловы не любят, когда их так называют. – ...появился наг.

– Это нагайна, – Маша осеклась, явно жалея, что у нее вырвалось лишнее.

– Все чудесатее и чудесатее, – прокомментировал Дреер. – Ты хотя бы понимаешь, что там, за лесом, живут люди, которые ничего не знают о нагайнах? Разве что из мультика «Рикки-Тики-Тави»...

– Никого она не тронет, – ответила Маша. – Мы очень редко питаемся. Мы же не звери, а пресмыкающиеся. Удавы месяцами переваривают.

– То есть она сытая, потому что уже кого-то слопала?

– Не ест она. Биологическую пищу не ест. Ей это не нужно.

– А что ей нужно?

– Дмитрий Леонидович, не могу, – честно сказала Маша, глядя на Дреера снизу вверх огромными глазами восточной принцессы. – Только она... не очень опасная, если знать, как с ней обращаться. И она других от школы отгоняет.

– Волкулаков?

Девочка не кивала и не отрицала. Как будто старалась ничем не выдать себя.

– Маша, – через силу произнес Дмитрий. – Ты понимаешь, что я должен буду поставить в известность...

– Нет! – резко сказала Маша. – Пожалуйста, нет. Дмитрий Леонидович, мы же вас спасли.

– Вы? Меня???

– Ага. – Маша заговорила иным тоном, словно почувствовала утраченную было опору.

– Ты же сказала, она не опасна? – ядовито заметил Дреер.

– Если не злить.

– Ее другие разозлят! – Дмитрий вскипел. – А вас рядом не будет. Вы же не выходите?! Или как? Нашли дыру в защите или нет? Выкладывай как на духу!

– Нет дыры, – ответила Маша. – Мы не знаем по крайней мере. Мы здесь, все остальное – там. Дмитрий Леонидович, я вас очень прошу. Дайте еще несколько дней. Мы уладим все. Никого не будет в лесу. А иначе... у нас шанса нет.

– На что шанса? – У Дмитрия голова шла кругом.

– Ни на что, – тихо ответила Маша.

Дреер ощутил посторонний взгляд. Не простой, а через Сумрак, с попыткой просканировать ауру. К таким фокусам он тут давно привык, на уроках так могли глазеть по два десятка человек сразу. Даже научился различать, кто именно смотрит – сумеречное прикосновение столь же индивидуально, сколь, к примеру, походка.

Но этот взгляд не узнал. Обернулся.

У стены напротив стояла та самая рыженькая девочка, которую он видел в обсерватории вместе с «мертвыми поэтами». Анна. Фамилию словесник так и не вспомнил.

Как только глаза встретились, девочка тут же потупилась и быстро скользнула вперед, скрывшись в коридоре. Но Дмитрий не сомневался: чем-то обменяться с

Машей они успели.

– Как к вам попала Светлая? – Дреер опять сосредоточился на юной нагайне.

– Ее Артем привел. Она как мы.

– Что значит «как вы»?

– Низшая.

– У Светлых нет низших.

– Дмитрий Леонидович, вы говорили, что и у Темных их тоже нет. Что это все предрассудки. Уровень силы повышается.

– У меня самого седьмой, если ты в курсе. Чем ловить меня на слове, лучше бы честно сказала, при чем...

Грянул звонок.

– Мне на физику надо, – сморщилась Маша.

– Иди. – Дреер отодвинулся в сторону.

– А Анютка такая, как мы, потому что стихи любит, – бросила Маша на ходу и поспешила в коридор, туда же, где пропала ее Светлая сообщница.

Дмитрий посмотрел ей вслед. На периферии внимания что-то еще зацепило взгляд. Словесник чуть повернул голову и увидел на подоконнике забытую Машей тетрадь. К счастью Даниловой, не физика. Это оказались письменные проверочные работы по магической безопасности жизнедеятельности. Каин настаивал, чтобы ученики много писали в простых тетрадях и только чернильной ручкой. Файлы и распечатки магию, как известно, не держат.

Дреер взлохматил листы, бегло проглядывая тетрадь. М-да, нахватала «трояков» и даже «гусей» завела. Что с тобой, Мария? А по физике небось все

нормально...

...После уроков он специально выждал, когда в учительской никого не останется. Личные дела хранились в канцелярии, как раз между ней и директорским кабинетом. Хотя никаких подозрений визит словесника наверняка не вызвал бы. Мало ли, срочно потребовалось какие-то документы поднять, справки проверить.

Но Дмитрий решил: если рисковать, то по минимуму.

Дверь канцелярии была плотно увешана охранными заклетьями и заблокирована даже на первом слое Сумрака. Но у Дреера, конечно, имелась на груди невидимая печать-пропуск.

Он подошел к стеллажам. Никаких пластиковых современных папок. Только картон и бумага, а еще лямки и металлические застёжки.

Нужное словесник отыскал не сразу. Папка легла на стол. Дмитрий провел над обложкой ладонью. Защита признала его, и Дреер открыл «дело».

Голубева Анна Сергеевна. Дата рождения: 15 сентября 1990 года. Итого четырнадцать полных лет. Смотрим, отец... Голубев Сергей Михайлович, шестьдесят третьего года, не Иной. Мать, Голубева (Макарова) Вероника Евгеньевна, шестьдесят седьмого, не Иная. Родители в разводе с девяносто шестого, спустя три года отец погиб в ДТП. Виновным признан пьяный водитель, проверка задним числом никакого вмешательства с применением Силы не нашла. Иных среди дальних родственников тоже не выявлено, среди предков не зафиксировано.

Так... Раскрыта оперативником городского Ночного Дозора Петром Бовыкиным. Найдена при довольно нетипичных обстоятельствах: приведена в отделение милиции родной матерью по подозрению в воровстве. Признана самоинициированной Иной.

Проверена и рекомендована к направлению в интернат сотрудником отдела Ночного Дозора по делам несовершеннолетних Федором Козловым.

Вопреки прогнозам выбрала сторону Света.

Характеристика с предыдущего места учебы... Табель успеваемости... Медицинская справка... Результаты психологических тестов... Уровень интеллекта... Уровень магических способностей – шестой, прогнозируется не выше третьего.

Копия табеля успеваемости в интернате... Стабильное «хорошо» по общеобразовательным предметам. «Удовлетворительно» по предметам Иного цикла, кроме гуманитарных. Здесь – стабильное «отлично».

Странно. Обычно бывало наоборот.

Дмитрий перелистнул еще и наткнулся на докладную записку Федора Козлова.

Анна Голубева оказалась магом-экзотом.

Дмитрий не сразу вспомнил даже, что про них говорили на курсах в московском Дозоре. В интернате, он знал, экзоты до Анны не учились. Они вообще были огромной редкостью. Куда большей, чем оборотни-наги в средней полосе. По сути дела, экзот представлял собой мутацию Иного. То есть он, конечно, был настоящим Иным и мог применять магию, но сама природа как будто предназначила его для очень узкого и нетипичного воплощения Силы.

Наиболее знаменитыми экзотами считались так называемые пророки. Чаше встречались предсказатели, но это не было чем-то из ряда вон, способности видеть будущее или хотя бы просматривать линии вероятности имелись у любого сколько-нибудь обученного мага. Да что там у мага – у обыкновенных людей, не Иных, временами интуиция откликалась на возмущения Сумрака и выдавала информацию о том, что может быть. Настоящие же пророки говорили о том, что точно будет. Что случится обязательно и коснется очень большого числа людей. Страны. Народа. Человечества.

Пророчества исполнялись всегда. Там существовали какие-то ограничения, ходили даже целые легенды, как помешать исполнению, но Дмитрий тогда не слишком хорошо запомнил материал как не актуальный для себя лично.

Анна Голубева отнюдь не была пророком. Девочка оказалась... джинном.

Про джиннов в школе Дозора тоже рассказывали. Дмитрию запомнилось практическое занятие, когда они всем курсом учились творить деревянных големов со смешным названием «буратинки». У него самого получалось из рук вон плохо – для создания голема, даже примитивного, все-таки нужна известная сноровка. Впрочем, для того и упражнялись, ибо еще Станиславский учил: тренироваться надо на сложном. А потом им рассказали, что легендарные маги Востока теоретически могли создавать чисто энергетические големы, состоящие из одной направленной и оформленной Силы. В Средней Азии этих тварей называли дэвами, в арабских странах – джиннами. Впрочем, опыт если и был, то давно утерян.

Однако же, если верить записке Козлова, реально существовали и другие джинны. Свое название они получили не потому, что были похожи на сказочные фигуры из огня и дыма, которые можно было запрятать в артефакт, хотя бы и в глиняный кувшин. Тех джиннов все равно мог увидеть лишь опытный чародей и не на первом слое Сумрака. Нет, эти джинны были из плоти и крови и звались так потому, что, как все экзоты, обладали узконаправленной способностью.

Если у пророков была способность предсказывать будущее мира, то у джиннов – исполнять желания. Правда, не все, а только ограниченный класс. Тоже как всегда у экзотов.

Какой именно класс желаний могла исполнить Голубева, в докладной записке сообщалось очень расплывчато.

Только сейчас Дмитрий вспомнил услышанный краем уха разговор в учительской. Говорили про новую девочку и что она необычная. Тогда он не понял, про какую такую новую девочку, тут все были необычные. И подавляющее большинство прошло через детские комнаты Дневного или Ночного Дозора.

Как ни странно, будучи Светлым, Дреер куда лучше знал городскую резиденцию Темных, чем своих. Все педагоги, кроме Инквизиторов, не имеющие прописки, обязаны были встать на учет в Дозорах. Хотя на интернат полномочия магической полиции не распространялись, правило оставалось незыблемым. Поэтому Дмитрий, как только появился в городе, отправился на регистрацию в

местный Дневной. В столицах регистрационные посты дежурили бы уже на вокзале. А тут маялись от скуки только два патрульных разного «цвета», которые и указали адрес.

Где находится офис Ночного Дозора, словесник тоже представлял, однако никогда еще не переступал его порога.

Офисы как будто зеркально отражали друг друга. Оба располагались в самом центре города, на соседних улицах по разные стороны от главного проспекта. Оба занимали двухэтажные здания постройки начала двадцатого столетия. Естественно, под землю уходили еще несколько скрытых от человеческих глаз этажей, не запланированных архитектором.

Но местные Темные кардинально реконструировали занятый ими особняк, что наверняка имел историческую ценность. Вышло ультрасовременно, однако, по новомодным же веяниям, похоже на маленький средневековый замок с островерхой крышей, флюгерами и парой башенок. Даже кирпич ручной формовки привезли из Голландии.

А вот резиденция Светлых, казалось, просила хорошего ремонта. Скорее всего просила уже не одно и даже не три десятилетия, и это было вполне рассчитанной маскировкой. Малопримечательное здание в популярном на заре прошлого века стиле модерн вряд ли считалось памятником архитектуры, хотя тоже обладало историей. Верхний этаж был белым и украшен лепниной над центральными окнами, нижний – цвета военной шинели Первой мировой. На углу до сих пор висела треснутая мемориальная доска, гласившая, что в семнадцатом тут заседал совет рабочих и солдатских депутатов. Дмитрий, пробежав табличку глазами, чуть улыбнулся. Он знал роль Иных в революционном прошлом. Это тоже преподавали в школе Дозора.

На окнах первого этажа висели массивные железные ставни. Когда-то здесь располагалась типография, печатавшая городскую «Правду», и ставни должны были заглушать шум ее машин в ночную смену. Типография давным-давно переехала, а на первом этаже дозорные обустроили дежурную часть и мини-гостиницу для командировочных. Те наезжали время от времени для обмена опытом, все-таки город по соблюдению Договора был в числе образцовых.

Однако железные ставни так и продолжали висеть. То ли их решили оставить как дань традиции, то ли сделали частью охранной системы. Дмитрий не сомневался, что их могут захлопнуть в одно мгновение ока без помощи рук – и тогда штурмуй первый этаж, дорогой, если можешь.

Теперь ставни были закрыты. Вечер, нормальные учреждения закончили работу. Но из щелей пробивался свет, и наверху окна тоже горели. Работа Ночного Дозора, по идее, только начиналась.

Словесник поднялся на крыльцо, надавил квадратную кнопку звонка. Только спустя минуту-другую появился дозорный в черной экипировке типичного охранника, с нашивкой «ЧОП Светозар», портативной рацией на груди и даже кобурой на поясе. Для чего нужен такой маскарад, оставалось непонятным – посторонних должна была отпугивать Сфера Невнимания.

Впрочем, тут, наверное, замешаны местные обычаи.

Охранник дружелюбно поздоровался.

– А, к Козлову! Проходите.

Наверх вела старинная чугунная лестница с массивными перилами. Дмитрий уже и забыл, когда последний раз такие видел.

С ранних лет при упоминании «детской комнаты милиции» ему почему-то рисовалась в воображении комната с игрушками и деревянным конем-качалкой, но с решетками на окнах. И обязательно с милиционером, высоченным, как дядя Степа, в белом кителе и фуражке с белым верхом.

Федор Козлов благодаря своему росту мог бы сойти за внука дяди Степы. А благодаря выражению лица – за внука доктора Айболита, словно эти два почтенных семейства породнились еще в советские годы. Но Козлов не носил формы, а голову брил наголо.

Увидев, как на самом деле выглядит «детская комната» Ночного Дозора, Дмитрий оторопел. Конечно, игрушки и зарешеченные окна – это была его детская фантазия. Но кресла с воздушными шариками в прозрачных чехлах

вместо подушек! Но роспись на стенах, фотографически имитирующая пляж на берегу сапфирового моря! Тут без магии явно не обошлось.

– Я звонил по поводу Голубевой, – начал Дмитрий после короткого обмена приветствиями.

– С ней все в порядке? – осведомился Федор.

– Вполне. – Дреер не стал упоминать, что Анна связалась с компанией Темных.

– Тогда чем могу?.. – поинтересовался Козлов.

Это «чем могу» вдруг ни с того ни с сего напомнило словеснику объяснение у Стригаля.

– Успеваемость... – почти честно сказал Дмитрий. – По Иному циклу на тройки перебивается. Кроме русского языка и Иной словесности.

– А по словесности небось пятерка?

– Конечно. Свидетельствую как преподаватель.

– Талантливая девочка. У нее склонность именно к искусству.

Дмитрию было не очень удобно сидеть в кресле, наполненном воздушными шариками. Ему казалось: повернись неловко – и они все лопнут, выбросив седока в коридор.

Может быть, эта иллюзия преследовала его потому, что Дреер все-таки не привык лгать.

– Но как Иная она объективно слабенькая. Ей почему-то не даются профильные предметы. С такими показателями в конце года вообще может быть поставлен вопрос об отчислении. К тому же я читал ее личное дело. Сознательных нарушений Договора не было, магию применяла по незнанию. Она вполне могла бы учиться в обычной школе, просто с вашим кураторством.

– Ее нельзя отчислять, – резко бросил Федор.

– Нельзя, согласен. – Дмитрий постарался незаметно глубоко вдохнуть. – Федор Николаевич, я по поводу вашей докладной записки. Анна – экзот. Понятно, что это толком не изучено, потому для педагогов и не афишируется. Хотя и странно... Вы ее проверяли, вы ее к нам и направили. Возможно, что-то есть такое в ее способностях... – Он развел руками. – Это можно было бы использовать для поднятия результатов. У меня, например, учится такой Митя Карасев. Хороший мальчик, Светлый, но грамотность почти нулевая. По восемь ошибок в предложении делал. Но страшно любит компьютерные игрушки. Я с ним бился-бился, а потом сказал: каждая не найденная ошибка – это артефакт. Твоя задача собрать все! И в мозгах у него перещелкнуло. Диктанты начал на твердую «тройку» писать, затем вообще на «четверки» перешел. Он теперь каждый текст проходит, как новый уровень, только сохраниться не может.

– Ловко! – одобрил Федор.

– Вот такой фокус я хотел бы попробовать и с Анной, – искренне соврал Дреер.

Федор задумался. Сказал наконец:

– Хорошо, – и поднялся: как будто раздвинулась пожарная лестница. Дреер даже втянул голову в плечи. – Идемте. – Козлов направился к стене.

Дверь оказалась настолько хорошо замаскирована, что можно было подумать: стена разверзлась. А в застенье ждал вполне обыкновенный кабинет: стол, компьютер, бумаги, папки-органайзеры, немытая кофейная кружка. В углу – кулер с полупустой бутылкой.

Федор достал из верхнего ящика стола предмет и положил перед Дмитрием.

– Что это? – спросил тот.

– Коммуникатор. Сейчас их стали называть «смартфоны». Вполне рабочий. Я проверял, сеть ловит. Это одна из тех вещей, которые нашли в квартире Анны. Подозревали в клептомании, думали, что она потихоньку ворует такие игрушки в магазинах. Пока на нее не вышли наши и не опознали как джинна.

Дмитрий повертел в руках коммуникатор.

– Как он включается?

– Ага, я тоже не сразу понял. Вот так. – Федор показал. – А вот как им управлять. Видите, не нужен стилос. Все делается мизинцем...

– Какая это марка?

– В том-то и дело, что никакая. Такого не существует в природе. Я специально читал множество материалов по экзотам из нашей базы. Материализация – самый непонятный механизм применения Силы. Она занимает столько ресурсов Сумрака, что ни одно сознание не может с этим справиться. Потому все так и сложно. Механизм у них в подсознании, и они практически не могут им управлять. Максимум, что может джинн, – выполнить желание.

Интровертированный джинн – свое, экстравертированный – чужое. Анна интроверт, вот поэтому я и удивляюсь, что она выбрала быть Светлой. А самые сильные джинны-материализаторы как раз дети. Просто у них... сознание не такое развитое. Зато с подсознанием все более чем в порядке. Только никакой экзот не делал вот такого, – Федор кивнул на коммуникатор в руках Дмитрия. – Нам сильно повезло, что она все-таки Светлая.

– Что это за штука? Как она ее сделала?

– В том и секрет. Джинны обычно не могут сказать, как именно они делают то, что делают. Подсознание – информационный канал, видимо, безграничной емкости. Возможно, они создают какой-то аналог нанороботов в Сумраке, которые саморазрушаются в тот момент, когда заканчивают свою работу. Дело не в этом. Джинн обычно точно знает, что будет. То есть ему требовалось бы представлять, как эта вещь работает, на каком принципе и так далее. Анна не знает.

– Тогда как же?..

Федор встал из-за стола, открыл шкаф, порылся в нем и извлек коробку. Обычная коробка из-под бумаги для ксерокса.

– Вот. – Федор вытащил глянцевый журнал. Пролистал его, нашел страницу и развернул перед Дмитрием. – Это статья о коммуникаторах будущего. Посмотрите на иллюстрации. Ничего не напоминает?

Еще бы. Очень даже напоминало.

– То есть она вычитала и захотела, чтобы у нее такой был?

– Возможно, даже не захотела, а просто подумала: вот бы мне! И все, дальше заработало само.

Федор опять запустил жилистую руку в коробку и вытянул альбом для рисования. Альбом выглядел взлохмаченным, обложка разохлась и была покрыта пятнами краски.

– Она это называет «малярия». Что-то вроде автоматического письма, только в ее случае это рисунки. Посмотрите.

Дмитрий открыл первую страницу. Похоже на абстрактную живопись – цветные разводы акварели. Пролистнул дальше. Разводы продолжались, но как будто складывались в некую систему. А еще дальше, к середине альбома...

– Это же схема!

– Вот именно, схема. И вполне рабочая. Если бы на Анну первым вышел Дневной Дозор, там ни у кого бы не возникло сомнений немедленно запатентовать эту схему и начать большой бизнес. А у нас, понимаете ли, этика. Мы все еще думаем, стоит ли это делать без ее согласия. Без согласия четырнадцатилетней девочки, которая сама не знает, что творит и как.

– Она достает из книг?

– Среди Иных этот феномен впервые описала Корнелия Функе. Вам должно быть знакомо, вы же учитель литературы.

Дмитрий только кивнул. Функе работала с трудными подростками-Иными еще до его рождения. Хотя мир ее знал как обычную детскую писательницу.

– Только Анна не может материализовать живое существо, я думаю, – сказал Федор. – Зато она при известном терпении могла бы сделать, например... звездолет. Или машину времени. По крайней мере вытащить из книги воспроизводимый принцип работы.

Дмитрий долистал альбом до конца.

– А теперь вы мне скажите. – Федор наклонился к Дрееру через стол. – Что она натворила? Вы бы не пришли сюда ради оценок. Что она материализовала?

– Не знаю, – честно признался Дмитрий. – Что-то.

На столе Козлова резко и неприятно запиликал телефон. Федор снял трубку. Нахмурился. Бросил, вставая:

– Посидите здесь.

Вышел дозорный не через дверь в комнату с воздушными креслами, а через противоположную. Дмитрий подумал, что у них тут, наверное, все кабинеты имеют два выхода на всякий случай, так и идут анфиладой. В старых дореволюционных домах такая планировка встречалась нередко.

Дреер остался один. Повертел в руках коммуникатор. К названию «смартфон» еще не привык. У него и мобильник-то, если честно, появился не так давно, уже после инициации. Раньше как-то обходился, говорил, не хочет чувствовать себя на привязи. А на самом деле не мог принять внутри, что теперь может свободно пользоваться вещицей, еще в годы его студенчества доступной лишь «новым русским».

Но его мобильник был с кнопками, а этот без. Козлов успел показать, как им пользоваться. Надо же, как в фантастических фильмах, окна раскрываются от движения пальца. Неужели через несколько лет все такие будут? Ведь и стационарные телефоны с дисками уже почти не найдешь.

Да ладно бы еще, что без кнопок. Аппарат был прозрачным, сквозь него легко можно было разглядывать предметы. Где у него все узлы, где микросхемы? Вот сим-карту – ее да, видно. Аккумулятор-то где?

Дмитрий так заигрался с мобильником, что едва не пропустил момент, как в комнате снова появился Козлов.

– Еще одно, – сказал тот.

– У школы? – поднял голову Дреер.

– Недалеко, – ответил Козлов. – Только что сообщили. Может быть, конечно, просто бродячая собака. Бывают ложные вызовы. Я сейчас еду.

– Пострадавшие? – быстро спросил Дреер.

– Пожилая женщина с ребенком. Бабушка внуку домой вела. Сейчас в больнице. Тут, рядом с нами.

– Что? – Дреер встал.

– Нужно проверить. – Козлов уловил изменение в тоне его голоса. – «Дикари» так еще не нападали.

– Подождите, – сказал Дреер. – Вы определили Голубеву к нам. До этого ведь не было никаких нападений, никаких «дикарей»?

Козлов замер, глядя на невысокого Дреера сверху вниз.

– Вы что, думаете... – Дозорный осекся. – Вы... ради этого пришли? Девочка как-то замешана? Но ведь она Светлая!

– У меня ничего определенного, – сказал Дмитрий. – Одни догадки. Но вы же сказали, она джинн, который исполняет свои желания. И сам не знает как.

– Значит, все-таки школа. – Козлов покачал бритой головой. – Плохо.

– Слушайте... – Дреер положил коммуникатор на стол. – Вы могли бы взять их и не причинить вреда? Просто изловить оборотней? Заклинание Морфей какое-нибудь или еще что?

– А вы их видели? – опять нахмурился Козлов.

– Что-то видел, – сказал Дреер. – Что – не знаю. Я не уверен, что это оборотни. Я не уверен, что это вообще Иные.

– Мы выезжаем группой в окрестности школы. Все, что за территорией, в нашей... – Козлов как будто подбирал нужное слово, – компетенции. Чертовы правила!

– Вы можете повесить портал в школу? – спросил Дреер. – Отправьте меня туда. Я не знаю, что и как, но дети могут пострадать. Один уже пострадал.

Козлов посмотрел недоуменно. Дмитрий понял, что сболтнул лишнего: Ночной Дозор был не в курсе происшествия со Стригалем.

– Я все объясню, – поспешно заговорил Дмитрий. – У вас сейчас ничего нет. Я ничего не говорил, и если надо, то все буду отрицать. Даже вам, дозорным, нужны улики, правда?

Дрееру показалось, что Козлов выбирает, что лучше: предъявить ему что-нибудь, использовать магию или просто заехать между глаз.

Точно так же сам Дмитрий собирался заехать Стригалю.

– Давайте так: вы перебросите меня в школу. Я отзвонюсь в течение часа. Если не отзвонюсь – направляйте туда хоть боевую группу. Хоть вторгайтесь на территорию!

– А зачем портал? – задал вопрос Козлов.

– Не хочу идти... лесом, – честно сказал Дмитрий.

– Вот что, – ответил Козлов. – Портал я повесить не могу. Ресурсов не хватит. Мы сейчас садимся в мою машину и едем к вам. Я высаживаю и жду за территорией. Если что-то начнется, вызываю подкрепление.

– Идет, – согласился Дреер.

Козлов бросил голубевский коммуникатор в ящик стола. Из другого ящика вытащил несколько амулетов, рассовал по карманам, будто обоймы. Один протянул Дрееру:

– Возьмите. На всякий.

– Это что? – Дмитрий принял штуковину.

– Морфей. Как вы хотели.

Глава 5

В комнату Анны Дреер тоже проник через Сумрак. Электричеством, понятное дело, пользоваться не стал. Вместо этого зажег слабенький «светлячок» на ладони.

Ученики жили в комнатах по двое. Но Анна жила одна, в угловой. Дмитрий не успел разобраться почему. Скорее всего число жильцов в корпусе просто оказалось нечетным.

Вода ладонью из стороны в сторону, взломщик быстро осмотрелся.

Обычная комната школьницы. То есть Дмитрий еще ни разу не заглядывал в такие, он был предметником, а не воспитателем, которому полагалось иногда стучаться, заходить, проверять. Но все обстояло именно так, как он себе и рисовал в уме.

Типовой столик с ноутбуком. Дмитрий усмехнулся, представив, какой аппарат могла бы сотворить обительница комнаты при помощи своих способностей джинна. Стопка учебников. Разноцветные тонкие журналы. На кровати полурасстегнута сумка: девочки интерната предпочитали носить книжки в охапке, как в американских школах, где у каждого свой шкафчик в коридоре.

А вот, кстати, и шкафчик: три полки с одеждой и бельем. Дмитрий не долго думая прошелся по всем ящикам. Опять пришло в голову, что он ведет себя, как Стригаль. Впрочем, Стригаль не вторгался в комнаты сам, а подсылал своих «жучков».

Особенно внимательно Дмитрий изучил разор на полке с косметикой. Осмотрел тюбик гигиенической помады, повертел в руках каждый флакончик, отвинтил колпачок у туши для ресниц, понюхал подростковые духи с цветочным ароматом.

Вернулся к столу с ноутбуком. Открыл верхний ящик, подвинул в сторону яркие блокнотики с феями на обложке.

Так и есть.

Альбом для рисования. Краски. На столе баночка с кистями, сразу не заметил. Свечи – обычные, похожие на большие таблетки, такие кладут в прозрачные сосуды. Где взяла? Неужели привезла запас? Как там Козлов называл ее увлечение, «малярия»?

Дреер стал разбирать стопку книг. В одной нашлась яркая закладка. Книга была старая, из школьной библиотеки. Дмитрий сделал «светлячок» на ладони ярче.

Роберт Льюис Стивенсон, «Владелец Баллантрэ», сочинения в одном томе.

Закладка была вставлена почти что в самый конец тома. Дреер понял, на каком произведении остановилась Анна, еще до того, как увидел заголовок.

«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

Он бросил книгу на стол и продолжил рыться в ящике. Там, где лежали краски, нашел и прозрачный пузырек с белым порошком, напоминающим муку. Тоже сразу не заметил.

В двери заворочался ключ. На полу обрисовалась светлая трапеция с врисованным девичьим силуэтом.

– Заходи, – спокойно произнес Дмитрий, словно был у себя дома.

Анна шагнула в комнату, как будто не слышала. И даже не посмотрела в его сторону.

Только сейчас Дмитрий увидел, что в уши у нее воткнуты бусинки наушников, а провод тянется к телефону в руке.

Словесник тоже сделал шаг вперед, затушил «светлячок» и щелкнул выключателем настольной лампы.

Вот теперь Анна вздрогнула. Выдернула наушники.

– Как вы...

– Не важно, – резко оборвал ее Дреер.

Приблизил пузырек к лицу девочки.

– Сыворотка?

Застигнутая врасплох, Анна молча кивнула.

– Садись, – велел Дмитрий. – Рассказывай.

Анна присела на краешек кровати. Дмитрий расположился напротив девочки верхом на стуле, как «плохой» следователь из кинофильмов.

Говорить Анна не торопилась. Пришлось начинать допрос.

– Чья была идея? Артема?

– Моя! – вдруг с вызовом ответила Анна. – И ваша...

– Моя? – Дмитрий даже опешил от такой наглости.

– Это вы нам читали про доктора Джекила...

Стивенсон входил в программу по Иной литературе. Только сейчас Дмитрий со всей ясностью восстановил в памяти, что и в классе Анны он тоже вел занятия. В том числе и по Стивенсону.

А ведь шотландец впервые задумался о том, как выделить Темное начало в отдельную сущность. Но не смог это воплотить. Рядом с ним не было мага-экзота со способностью к материализации чужих фантазий.

– И ты своей «малярией» сделала для друзей сыворотку, как у доктора Джекила в книге?

– Откуда вы знаете? Про «малярию»?

– Вопросы умею задавать. А к тебе у меня куча вопросов. Ты хотя бы до конца дочитала? Знаешь, чем там все кончилось?

– Но у нас все по-другому! Там же, в книге, он недоработал! Он просто превращался из Джекила в Хайда. А сыворотка – это не все. Они научились выпускать это из себя. Только надолго не получается...

– Тень, которая гуляет сама по себе. Умно, – задумчиво произнес Дмитрий. И вдруг вспомнил слова Гоши Буреева, сказанные в обсерватории. Вспомнил и повторил: – Отбросы Сумрака.

Вот что тот имел в виду и вот почему его одернула Маша. И оценки по Иному циклу упали – еще бы, ведь Иная половинка отирается где-то за территорией школы. Все равно что дубля вместо себя послать, как у Стругацких. А еще отдать ему почти все способности. Хороший дубль, развесистый. Но дурак дураком и на людей кидается.

– Они не опасные, – быстро заговорила Анна, словно уловила мысли дознавателя. – Им не надо есть никого или пить кровь. Они как синий мох, только эмоциями питаются.

«Ботаники вы сумрачные, мичуринцы, тудыть вашу дивизию», – хотел было сказать Дреер, но сдержался.

А девочка не умолкала:

– Дмитрий Леонидович, они же не как я и не как вы! Они не хотели быть Темными, они такими родились. Но им никто не поможет, заклинания такого нет! Нельзя Темного сделать Светлым.

– Можно, – сказал Дмитрий.

Анна посмотрела на него округлившимися глазами.

– Да, можно, – повторил словесник, вспоминая, что чувствовал сам, когда услышал это на уроке в школе московского Дозора. – Но только Высшего. Один только Высший маг может поменять свой «цвет». У вас в следующем классе будет о волшебнике Мерлине. Самый сильный Иной древности. Светлый, но стал Темным.

– Как Дарт Вейдер? Перешел на Темную сторону Силы?

А она не только начитанная, подумал Дмитрий. Впрочем, кто сейчас этого не смотрел?

– Нет. Дарт Вейдер перешел сам. А Мерлин сотворил такое, что не к лицу ни одному Светлому. Нормальный Светлый вообще после этого сам себя бы развоплотил...

Дмитрий прикусил язык. Беседовать о таких материях с четырнадцатилетней ученицей! Скольких таких «скорая» откачивает после попыток суицида от несчастной любви или чувства вины, вызванного поступком, который легко переживет взрослый? А от саморазвоплощения не откачаешь. Нет, лучше пока ей в эти тонкости не вникать.

– А что он сделал? – спросила девочка, пропустив мимо ушей последнюю фразу.

– Направил на рифы корабль с детьми. Нарочно, – тщательно расставляя паузы и логические ударения, произнес Дреер, внутри страшно довольный, что теперь про развоплощение она и не вспомнит.

Анна поджала губы. Потом спросила:

– А наоборот кто переходил?

– Не знаю, – честно ответил Дреер. – Это большая редкость. Даже среди Высших.

– Артем и все никогда не станут Высшими, – опустила глаза Анна. – Они же вампиры и оборотни. У нас нет Высших вампиров, а оборотней таких вообще не бывает...

Дмитрий не стал ничего говорить на это. Он знал, как становятся Высшими вампирами. К счастью, российские условия и меры, предпринимаемые Ночным Дозором, не позволяли родным отечественным вурдалакам настолько поднять свой уровень. Как правило, они до такого попросту не доживали. Еще во время учебы это наполняло курсанта Дреера гордостью за свою страну. Но там же он краем уха слышал: метод стать Высшим вампиром без всякого убийства вроде бы уже разработан и даже апробирован. Однако это были только слухи, официальной информации курсантам не давали.

Вместо того словесник вернулся к допросу.

– Кто исправил формулу? – Дмитрий посмотрел на Анну сквозь стекло пузырька с белым порошком, словно через лупу.

Анна промолчала, только прикусила губу.

– Все ясно. Артем.

Еще бы. Круглый отличник, тот преуспевал не только в написании стихов (которые были так себе), но и в Иной химии. Предмет стоило бы назвать «алхимией» или по-простому «зельеварением», но двадцать первый век и авторские права накладывали свое. На этих уроках учили магическим свойствам вещества. Артем преуспевал куда лучше одноклассников-ведьмаков, которым

владеть предметом было положено самой их природой.

Дреер поднялся со стула.

– Пойдешь со мной.

– Куда? – снизу вверх посмотрела на него Анна.

– В Надзор. Все эти ваши мистеры-хайды шатаются по округе. Ты хоть понимаешь, что если кто-то убьет оборотня, то с ним погибнет и носитель? Не важно, внутри у него волк или снаружи. Ты представляешь, что будет с Артемом или с Кареном? Да если сейчас на территории увидят хотя бы одного неизвестного оборотня, будут бить на поражение!

Анна опустила голову, потом резко встала.

– План такой, – сказал Дреер. – Идем в Надзор, потом собираем ваших «поэтов», и чтобы все отдали сыворотку до крупинки!

Анна кивнула.

В отличие от педагогов ученики школы жили в корпусе, примыкающем к основному зданию. Именно он был когда-то барской усадьбой. Школьный Надзор обосновался в крыле напротив.

Дмитрий и Анна подошли к лестнице, ведущей прямо в учебный корпус, когда увидели, как снизу поднимается фигура. Дмитрий слишком поздно сообразил, что обознался.

– Толик?

– Не Толик, – сказала Анна.

Фигура поднялась еще на несколько ступеней, и Дмитрий увидел, что в какой-то мере они с Анной правы оба.

Бледная, очень бледная кожа. Резко обострившиеся черты лица, как будто Ключкин постарел на много-много лет. Увеличенные клыки.

Тогда Дмитрий посмотрел на Толика через Сумрак. Его вид ничуть не изменился. «Темная половина» носила одинаковый облик во всех слоях реальности. Она просто не знала раздвоенности. Это был чистый «минус» без «плюса».

Стивенсон искал рецепт всю жизнь, пока не отчаялся и не ушел в Сумрак насовсем. Романтики-Иные часто так поступали. Анна же всего лишь порисовала при свечах, потому что ей была нужна сама идея.

– Уходим вверх, – проговорил Дмитрий.

Но далеко уйти они не успели. С глухим ворчанием с третьего этажа спускался волк. Остро запахло зверем.

Кто это был из «мертвых поэтов», словесник не опознал. Думать вообще было некогда. Дреер активировал простейший «волк-стоп». Такое заклинание могла бы применить даже Анна.

На этот раз Дмитрий вспомнил нужные приемы заранее.

«Волк-стоп» лишь отбросил оборотня на пару шагов и принудил заскулить, как не очень сильный удар током.

Если бы они были на городской улице, а место Дмитрия занял, к примеру, дозорный Козлов, все обстояло бы куда как проще. Тому достаточно было бы молниеносным заклинанием сломать регистрационную печать на груди оборотня. Правда, зверь бы неминуемо погиб, и его человеческая ипостась тоже.

Но Козлов наверняка сначала исчерпал бы все прочие меры.

– Пошел вон! – зашипел Дреер и вскинул руку, зажигая в ладони максимальный «светлячок».

Волк попятился, поджав хвост. Шерсть на холке встала дыбом.

Где-то в школе послышался вой.

За спиной Дмитрия захлопали двери. Ученики высовывались в коридор, любопытствуя, что происходит.

– Живо в комнаты и закрыть двери! – рявкнул Дреер, не оборачиваясь. – Школа на особом положении. Кто не спрятался, в выходные не пойдет в город!

Двери опять захлопали. Только бы у всех хватило ума не только запереться, но и магическую защиту поставить, мысленно пожелал словесник. Закрывая собой Анну и вынуждая оборотня пятиться, он медленно поднимался по лестнице.

– Что им тут надо? – спросил Дмитрий тихо, не сводя глаз с волкулака.

– Их обратно тянет. К своим...

«Как минус к плюсу», – подумал Дреер.

К своим. Телам, душам? Хотя у оборотней и вампиров не души. Зато подсознание, к несчастью, есть.

– Это ты им проход сделала?

– Нет, вы что! Они сами как-то.

Дмитрий не хотел в это верить. Вход для посторонних и выход для воспитанников был закрыт до первого слоя Сумрака включительно. Ученики, как правило, не умели погружаться глубже.

А эти твари смогли.

Дреер метнул в волка «светлячок», целя в глаза. Ошалевший от вспышки вервольф отскочил на пару шагов, а затем оскалился еще больше. Словесник запустил руку в карман, нащупывая амулет с подвешенным заклинанием Морфей. Одновременно попытался мысленно вызвать Козлова. Сумеречная связь всегда давалась ему плохо.

«Слушаю», – вдруг отозвался Козлов, как будто разговаривал по обычному телефону.

«Дикари в школе», – передал словесник.

«Понял, – ответил дозорный. – Вызовите Надзор, я проверю периметр».

Дмитрий представил, как Козлов вылезает из служебного внедорожника и крадется по лесу. Орудовать на территории он не имел права.

Словесник направил амулет на вервольфа и произнес:

– Спи, животное...

Лучше бы он активировал заклинание сразу. Потому что не успел Дреер договорить, как волк рванулся вперед. Словесника не достал, все-таки зверь, видимо, инстинктивно побаивался мага, и этот прыжок был скорее разведкой. Зато Дмитрий от неожиданности выронил амулет, и тот полетел вниз, отскакивая от ступеней.

И тут в глаза волку ударила вспышка. Анна тоже умела изготавливать «светлячки» и теперь последовала примеру учителя.

Оборотень завертелся волчком, «светлячок» таки угодил ему в глаза.

Словесник тут же рванул за собой Анну, по стенке обходя временно ослепленного хищника. Лапы волкулака в это время соскользнули со ступеней, и тот покатился по лестнице, а по пути налетел на вампира и увлек вместе с собой.

– Быстро! – Дмитрий мчался по коридору.

Анна не успевала за ним, и Дрееру приходилось сбавлять шаг. Но даже Анна резко прибавила скорость, когда за ними метнулся другой оборотень.

В оставленном за спиной крыле вдруг послышались крики. А еще треск, похожий на электрический, свист и совершенно невообразимые для нормальной школы

звуки. Но Дреер, при всем своем невысоком уровне, мог безошибочно узнать их природу, как опытный автомеханик ставит диагноз по разным шумам и стукам.

Кто-то из Светлых учеников таки вышел в коридор, увидел свалку Темных и ударил сам. Смертельным заклинаниям, к счастью, их никто еще не учил, и вся боевая магия была не сильнее газового пистолета.

Это вселяло надежду, что до утра доживут все.

Дмитрий с Анной выбежали из коридора в рекреацию. На бегу Дреер судорожно вызывал Лихарева, но то ли что-то напутал, как всегда, то ли плохо слушал Сумрак – во всяком случае, отзыва не воспринял.

На третьем этаже сконцентрировались кабинеты дисциплин Иного цикла. Только «безопасность жизнедеятельности» изучалась в хорошо укрепленном подвале.

Однако путь отрезали и здесь. В начале противоположного коридора свернулась кольцами гигантская королевская кобра.

– Вниз! – скомандовал Дмитрий и потащил Анну к парадной лестнице на второй этаж.

Но спускаться уже было бессмысленно – по этой же лестнице вверх ползла еще одна змея. Дреер вдруг осознал, что каким-то чутьем уже различает их. Снизу поднималась нагайна, а дорогу в соседнее крыло им отрезал наг.

Дреер и Анна попятились.

В рекреацию ворвался оборотень. Кобра, свернувшаяся у входа в коридор, зашипела и раскрыла «капюшон».

Темные могли дружить. Их оторванные тени были каждая за себя.

Волк отвернулся от нага и зарычал на Дреера с Анной.

– Вы это прекратите! – сказал Дмитрий. – Что еще за мистика? Здесь вам не балаган. Здесь вам учреждение!

Одновременно, заговаривая обратным зубом, он начал растирать пальцы друг о друга, словно что-то лепил. Потом разделил получившийся невидимый сгусток на два. Прежде чем волк успел прыгнуть, Дмитрий метнул в него сгусток правой рукой.

Заклинание называлось Смола. Его изобрел лично преподаватель здешней БЖД Каин и обучил словесника. Заклинание ненадолго «прилепляло» свою мишень к месту. Как будто та попала в смолу, как те ископаемые насекомые, которых иногда находят в янтаре. Каин то ли в шутку, то ли всерьез говорил, что так можно припечатывать склонных вертеться на уроках.

Волк недоуменно зарычал, когда попытался отлепить от пола хотя бы одну лапу.

Дреер развернулся и запустил второй сгусток Смолы в нагайну: та была уже куда ближе, чем ее брат. Дмитрий бросал левой рукой – и, естественно, промахнулся. Вернее, почти промахнулся: сгусток все-таки попал на кончик змеиного хвоста. Отлепиться от Смолы нагайна смогла бы за пару минут, но это был какой-никакой, а выигрыш во времени.

И выигрыш понадобился. Из коридора, ведущего от жилого корпуса, примчались еще два волка. Их выгнали оттуда, как во время травли. По шерсти бежали искры. Кто-то их там хорошо приложил.

Когти заскребли по натертому школьному паркету. Как заругалась бы техничка Нинель Сергеевна! Иной она была слабенькой, но в минуты праведного гнева метала громы, молнии и разве что не фаерболы. Ее сторонился даже Одноглазое Лихо.

Изготовить новую Смолу Дмитрий не успевал. Он задвинул Анну себе за спину. Надеяться на нее не приходилось: максимум, что пока могла девочка, это нечто материализовать, но и для того ей требовались бумага и краски. Хотя со «светлячком» у нее ладно получилось...

Наг зашипел при виде двух волков.

– Вы этого хотели? – Дмитрий вытащил из внутреннего кармана пиджака пузырек с сывороткой Анны.

Оборотни замерли. Даже тот, что тщетно пытался отодрать от пола прилепленные Смолой лапы.

Дмитрий выдернул пробку и высыпал немного порошка себе на ладонь.

– За этим пришли?

Жестом сеятеля Дмитрий метнул порошок, целя поближе к нагу.

Оборотни взвыли. Змея покачнулась.

– Забирайте! – Дреер размахнулся и запустил пузырек в змею, используя кольца нага как мишень.

Случилось именно то, на что он рассчитывал. Волки метнулись за пузырьком, словно за вожаком на кусок мяса. Нагу ничего не оставалось, кроме как сцепиться с обоими.

За спиной раздалось шипение. Нагайна оторвала хвост от Смолы и устремилась мимо Дреера с Анной в общую свалку.

Приклеенный к полу за все четыре лапы вервольф подвывал. Наверное, он чувствовал себя как муха на липкой бумаге.

– Зови своих! – Дмитрий обернулся к Анне. – Артема и всех! Я пока этих задержу...

– А чего их звать? – Анна махнула рукой в сторону лестницы.

На верхней лестничной площадке как раз и был выход в школьную обсерваторию. Оттуда уже спускался взъерошенный Артем Комаров. За ним следовал Иван Данилов, а дальше кто-то еще – видны были пока только ноги.

– Живо сюда! – рявкнул Дреер.

Темные послушались.

Но не успели они спуститься, как на весь этаж раздалось громогласное:

– Надзор! Никому не двигаться!

«Палыч, где ж ты раньше-то был?» – подумал Дреер.

Лихарев вынырнул из того же коридора, откуда примчались оборотни. В руках у него был нехорошо мерцающий жезл. Очевидно, глава Надзора сперва явился в жилой блок в ответ на крики. Там-то он и застал оборотней. Только Лихо подумал, что кто-то из учеников или хулиганит, или просто потерял над собой контроль. Потому и не применил по-настоящему сильных методов убеждения.

Вервольфы легко отделались.

– Темные к стене, Светлые к окну! Так, чтобы я руки видел! – Предмет в руках единственного школьного надзирателя замерцал сильнее, а еще очень недобро зажуужжал.

И тут на Лихарева сверху вдруг обрушилась фигура, похожая на гигантскую бледную поганку с руками и ногами. А еще с клыками.

Очевидно, вампир передвигался в коридоре по потолку, а глава Надзора впопыхах его не отследил.

Что еще умели эти продвинутые наследники мистера Хайда?

Впрочем, Одноглазое Лихо оказался трудной мишенью. Вампир свалил его на пол, но в следующий миг уже летел, отброшенный разрядом из жезла. Он попал спиной не в стену, а точнехонько в проем двери кабинета Иной истории. Дверь слетела с петель, и вампир исчез внутри класса под грохот мебели.

Артем, стоявший рядом с Дреером, охнул и упал. Анна подскочила к нему, вместе с ней Данилов и Карен. Они попробовали поставить Артема на ноги, тот кривился от боли. Видимо, получил одни и те же травмы со своим двойником.

Лихарев тоже поднимался. Волки и наги продолжали схватку «двое на двое». В рекреации стояли рык и шипение.

– Повторяю... – начал было Лихарев, направив свое оружие в сторону Темных.

– Нет, – вдруг сказал Комаров. – Мы сами!

– К стене, быстро! – Лихарев наставил жезл на Артема, словно «беретту».

Тогда Дреер сделал то, чего никак не мог от себя ожидать.

Пока шла эта борьба на разных фронтах, он успел скатать еще один сгусток Смолы. Только запустил ее на этот раз в Лихарева. Тот, к счастью, оказался близко от стены. К стене Смола и прилепила его руку вместе с жезлом.

Глава школьного Надзора тоже не ожидал такого выпада. Временно обездвиженный Лихарев забористо и непедагогично выругался при учениках.

– Делайте что хотели, – сказал Дреер Артему.

По стене, от руки Лихарева с жезлом, разбегались трещины. Не в силах оторвать кисть, руководитель школьного Надзора решил просто разрушить кусок неожиданного препятствия.

– Палыч, нет, – сказал Дреер, приближаясь к нему и обходя при этом по дуге посаженного на Смолу оборотня. – Пусть они сами. Хочешь, расстреляй меня потом. Или под трибунал отдай.

Он и сам не заметил, как перешел с Лихаревым на ты.

Развитие трещин на стене остановилось.

Артем, хромая, скрылся в кабинете истории Иных, куда зашвырнуло его сумрачного двойника. Остальные «мертвые поэты» медленно двинулись каждый к своему отделившемуся Темному началу.

Волки, наг и нагайна прекратили грызню и странно притихли.

Карен Саркисян первым приблизился к своему «тотему». Это как раз был вервольф, приклеенный к полу заклинанием Дмитрия. Волк заскулил, когда Карен обхватил его голову и заглянул в глаза.

А потом они переместились в Сумрак. Это же сделали все, кто сейчас был на этаже, даже Лихарев. В Сумраке он с трудом, но оторвал руку от стены, покрытой разводами синего мха, как будто поверхность украшал замысловатый гобелен.

Вервольфы дотрагивались до своих волков, и те превращались в зыбкие силуэты из густого тумана, которые сливались с фигурами подростков. Иван Данилов положил руку сверху на морду нага. Тот объединился со своим носителем иначе, чем волки: раскрыл пасть и мгновенно проглотил – как будто сам наделся на человека еще одной переливающейся кожей. Иван стал похож на затянутого в гидрокостюм дайвера без акваланга. Но переливы второй кожи немедленно потускнели, и она словно растворилась на поверхности тела.

Когда Дреер посмотрел на сестру Данилова, он лишь успел заметить, как стремительно рассасывается на девочке кожа нагайны.

Толик Ключкин тоже нашел своего двойника-вампира. Его личный «мистер Хайд» отстал от прочих, свалившись с лестницы, и явился только к последнему акту. Зрелище было еще то. Вампир приблизился к Ключкину словно нехотя, отвечая на зов. А подойдя на расстояние вытянутой руки, взорвался, разлетевшись на множество сероватых хлопьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Здесь и далее стихи Николая Заболоцкого.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/arkadiy-shushpanov/shkol-nyy-nadzor>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)